

Н. В. Перцов

Возвратные страдательные формы русского глагола
в связи с проблемой существования в морфологии

Nothing is such an enemy to accuracy
of judgment as a coarse discrimination.

Edmund Burke¹

Настоящее исследование носит двойственный характер – практический и теоретико-методологический одновременно. С одной стороны, оно нацелено на решение некоторых практических задач в области грамматической русистики; с другой стороны, решение этих задач опирается на определенные методологические принципы, поясняемые и развиваемые в работе. Объект исследования составляют возвратные глаголы – одно из самых сложных явлений в русской морфологии, представляющее немалые трудности для описания и классификации. Разумеется, в одной статье сколько-нибудь исчерпывающим образом охватить его невозможно. Основное внимание здесь будет уделено одному из казусов в грамматике русского языка – статусу возвратных глагольных форм совершенного вида со страдательным значением – типа *Весь тираж раскупится посетителями выставки* (иначе, форм возвратного перфективного пассива – ВПП), – которым посвящен раздел 1, самый объемный в работе и наиболее важный для автора (из-за чего пришлось отчасти пожертвовать логикой изложения). В последующих двух разделах будут затронуты проблемы, связанные с возвратными страдательными формами (ВСФ) для обоих глагольных видов: в разделе 2 речь пойдет о возможных обобщениях понятий "страдательное значение" и "страдательный залог"; в разделе 3 – о феномене семантической нейтрализации в страдательной конструкции (страдательных и нестрадательных значений у глагольных форм, агентивного и орудийного значений у творительного падежа). Последний, четвертый раздел резюмирует выводы работы.

Прежде всего необходимо сделать важное терминологическое замечание относительно понятия возвратности. Под возвратной формой здесь понимается любая глагольная форма, оканчивающаяся на *-ся/-сь* (а под возвратной глагольной лексемой – лексема, содержащая только возвратные формы). Такое терминопотребление, как указывается в книге [Янко-Триницкая 1962: 3–5], отнюдь не имеет всеобщего распространения в русистике: из области глаголов на *-ся/-сь* в качестве возвратных выделялись только глаголы типа *мыться* (М.В.

¹ "Ничто так не враждебно точности суждения, как недостаточное различие". Эту цитату из Э. Бёрка (английского публициста, экономиста и философа XVIII в.) Пушкин предполагал предпослать в качестве эпиграфа первой главе "Евгения Онегина" [Набоков 1998: 88].

Ломоносов, А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев), только глаголы без соотнесительных невозвратных (Ф.Ф. Фортунатов), только сопоставимые с переходными. Иногда возвратными называют только нестрадательные глаголы на *-ся/-сь* [Зализняк 1977: 6–7; РЯЭ 1997: 72, 134] или только нестрадательные и безличные одновременно [Касаткин и др. 1995: 197–198]. Вслед за А.М. Пешковским Н.А. Янко-Триницкая [1962: 4], исходя из краткости и гибкости термина "возвратные глаголы", пользуется им "применительно ко всем без исключения глаголам, имеющим в своем морфологическом составе аффикс *-ся*". Автору настоящей работы также представляется удобным располагать единым компактным обозначением для важного класса глагольных форм (непереходность которых маркируется явным сегментным показателем), с его полезным трансформом "возвратность глагола", – вместо точного, но "рыхлого" обозначения, ориентированного на план выражения.

1. Возвратный перфективный пассив в русском языке и в грамматическом описании

1.1. Возвратный перфективный пассив в лингвистической литературе и в современной речевой практике

В ряде грамматических описаний русского языка форм ВПП отказано в праве на существование; негативное отношение к ним, поддерживаемое авторитетом "Грамматического словаря" А.А. Зализняка [1977], встречается в текущей лингвистической литературе (из недавних высказываний примечательны мнения в [Молошная 2001: 75; Падучева 2001: 53; Апресян 2002: 19], отраженные в приложении к настоящей работе, см. цитаты П15 – П17). Иногда такие формы характеризуются как крайне редкие, при этом зачастую неясно, является эта редкость основанием для их полного исключения из русской грамматики или нет. Случается, что статус этих форм в грамматиках не прояснен, т. е. по поводу соединения страдательного залога с возвратностью и совершенным видом не говорится ничего (например, учебники [СРЛЯ 1996] и [Белошапкина и др. 1997] в разделах, посвященных страдательному залому и возвратности, обходят этот вопрос молчанием).

Нельзя сказать, что исследователи единодушно отрицают существование возвратного перфективного пассива в русском языке и грамматике. Разнообразные мнения по поводу ВПП собраны в приложении, которое представляет собой важный конструктивный компонент настоящей работы. Среди 17 различных источников, отраженных в этом приложении, в восьми высказывается полное неприятие ВПП как факта русской грамматики, в четырех формы ВПП с оговорками и с некоторой неуверенностью признаются, в пяти феномен ВПП признается уверенно (хотя иногда отмечается его маргинальность). Принадлежность источника к одному из трех классов отражена в приложении посредством знака в угловых скобках – минуса для первого класса, вопросительного знака для второго, плюса для третьего;

таким образом, в приложении встречается восемь раз символ <-->, четыре раза <?> и пять раз <+>. Из этого становится ясно, что мнение об отсутствии ВПП в русском языке отнюдь не является "общепризнанным" – вразрез с уже упоминавшейся цитатой П17².

Ниже предпринимается попытка оспорить распространенное мнение об отсутствии в русском языке глагольных форм возвратного перфективного пассива и прояснить статус этих форм.

Прежде всего, автор хотел бы познакомить читателя с результатами опроса, проведенного им в августе 2002 г. среди коллег-филологов. Информантов я просил оценить степень приемлемости (удачности) для следующих трех фраз, содержащих формы возвратных глаголов:

- (1) *Мы хотим знать, раскупились ли имеющиеся печатные экземпляры теми, у кого есть рукописи.*³
- (2) *Мы передали подсчеты компьютерной программе – и смета составилась за какие-нибудь четверть часа.*
- (3) *Смета составилась программой всего лишь за четверть часа.*

Было опрошено 13 информантов; фразу (1) признали приемлемой 11 респондентов, неприемлемой – 2; для фразы (2) соответствующая пара чисел – 7 и 6, для фразы (3) – 3 и 10.

Фраза (1) искусственного происхождения; однако замечу, что глагол *раскупиться* употребляется весьма активно, ср. реальный пример из Интернета (среди многих прочих):

- (4) *Этот фильм раскупится фанатами, да и не только, минимум в 10 миллионов копий.*

Для автора этих строк подобные фразы представляются вполне допустимыми в современной речи, а самая сомнительная фраза (3) – не содержащей синтаксической ошибки, хотя и несколько шероховатой в стилистическом отношении. Как указал мне один из участников опроса, сочувственно воспринявший мой взгляд на проблему ВПП в русском языке, некоторая шероховатость подобных страдательных употреблений глагола

² Цитаты из приложения разбиты на разделы, которые идентифицируются посредством номеров, предваряемых литерой П.

³ Первая фраза сконструирована автором вследствие обращения к фрагментам из двух писем Пушкина к брату Льву Сергеевичу – соответственно, от начала января 1824 и от конца февраля 1825 г. (см. [Модзалевский 1926: 68 и 119], цитаты ниже аутентичны этому источнику): "Остается узнать раскупиться-ли хоть одинъ экземпляръ печатный т̃ми у которыхъ есть полныя рукописи; но это безд̃лица – поэтъ не долженъ думать о своемъ пропитаніи, а долженъ, какъ Карниловичъ, писать съ надеждою сорвать улыбку прекраснаго пола"; "Читаль объявление объ Он̃гинъ въ Пчел̃: жду шума. Если издание раскупится – то приступи тотчасъ къ изданію другому или условься съ какимъ нибудь книгопродавцемъ <...>". Надо сказать, меня поразило, насколько непринужденно-естественно для современного русского словоупотребления выглядит в этих цитатах страдательность возвратной перфективной словоформы.

составиться может быть устранена за счет расширения контекста и замены прошедшего времени на будущее, в подтверждение чего был приведен следующий воображаемый диалог:

- (5) *Хорошо ли работает ваша программа бухгалтерского учета? – Ну как вам сказать? Обычная смета расходов составитя ею минуты за две.*

Синтаксическая шероховатость в (5) заметно меньше, чем в (3). Во всяком случае, она не настолько значительна, чтобы квалифицировать такие фразы как факты явных синтаксических ошибок, подобных, скажем, нарушениям синтаксического управления, столь характерным для текущей прессы и эфира. При обсуждении с автором проблем ВПП тот же респондент привел следующие (придуманные им) примеры:

- (6) *Такой оравой всё это молоко выпьется за два дня.*
(7) *Новые ботинки разносятся за неделю.*
(8) *Орех такой твёрдый – никак не раскусится.*

В тот же период в одном лингвистическом тексте автору встретился следующий фрагмент:

- (9) *Этот признак припишется по общему правилу.*

Наконец, в телефонном общении с оператором междугородной связи я услышал такую реплику:

- (10) *Подождите, пожалуйста: номер не набрался.*

В работах В.И. Гавриловой [1998, 2001] (см. П14) приведен материал, убедительно свидетельствующий о том, что употребления ВПП в последнее время – точнее, с внедрением компьютерных технологий в повседневную реальность коммерческих и научных организаций, в нашу жизнь и быт – становятся все более и более привычными и естественными, например:

- (11) *Текст уже отредактировался.*
(12) *Смета скоро составитя.*

Правда, в примерах Гавриловой отсутствуют фразы с твор. падежом агенса, как в наших примерах (1), (3) – (6); более того, из неверной посылки, что "форма возвратного глагола СВ страдательного залога может иметь только квазипассивное значение" [Гаврилова 1998: 109],

исключающее субъект, следует неверное заключение, что агенс при таких формах невозможен.

(13) *Далее прочелся эпитет к слову "Александр"* [из доклада А.А. Зализняка в Институте русского языка РАН 22/Х-2002; речь идет о дешифровке текста конца X – начала XI в.].

Для автора примеры (1) – (13) являются вполне приемлемыми русскими фразами, причем большинство из них для меня безукоризненно. Скорее всего, найдутся читатели, которые усомнятся в языковой правильности тех или иных примеров или в том, что в них представлен именно ВПП, а не какая-либо другая интерпретация возвратного глагола (скажем, в (13) может быть усмотрено особое "пассивно-потенциальное" значение у возвратной формы *прочелся* [Падучева 2001: 73]⁴); однако даже такие ригористически настроенные читатели не должны игнорировать мнение большинства моих информантов и только на основании собственной языковой интуиции отвергать, скажем, фразу (1) или отрицать в ней страдательное значение словоформы *раскупятся* (об этом см. ниже разд. 1.3). Мне представляется, что в данной области русской грамматики нет установившейся твердой нормы: мнения и суждения разных информантов по поводу фраз с ВПП иногда расходятся существенным образом.

В литературе встречается утверждение о том, что формы ВПП допустимы или предпочтительны лишь в будущем времени. Автор откровенно признается, что для его языковой интуиции такого предпочтения не существует: для меня равно приемлемы фразы *Тираж раскупится публикой* и *Тираж раскупился публикой*, а также употребления ВПП в форме инфинитива (*Тираж должен раскупиться публикой*) или причастия (*раскупившийся публикой тираж*); в этом меня поддерживает точка зрения Н.А. Янко-Триницкой и приведенные ею примеры: «<...> формы прошедшего времени <у возвратных глаголов страдательного значения> встречаются не реже, чем формы будущего времени» [Янко-Триницкая 1962: 141] (см. П4)⁵. Тем не менее различие оценки языковой приемлемости для претеритных и футуральных форм ВПП со стороны ряда исследователей и информантов достойно всяческого внимания. Автор пока не может предпринять попытку раскрытия природы этого различия. Для выяснения статуса форм ВПП в русском языке и различий

⁴ В книге [Бондарко 1976: 243] термин "пассивно-потенциальное значение" применен для характеристики возвратной глагольной словоформы в предложении *Книга легко читается*: "<...> это значение проявляется лишь в контексте, его нет в отдельно взятой словоформе <...>"; по А.В. Бондарко, это значение лишь сопровождает "значение пассива" и "значение интранзитивности в ее рефлексивной реализации".

⁵ В этой связи любопытны результаты другого опроса (проведенного автором в декабре 2002 г.): фразу *Тираж раскупился публикой быстро* четыре информанта признали неприемлемой, три – приемлемой, три – шероховатой, но допустимой; для соотносительной фразы со сказуемым в буд. времени (*Тираж раскупится публикой быстро*) соответствующая тройка чисел – 2, 3 и 5.

между их типами требуются гораздо более объемные опросы информантов, чем проведенные автором, а также правильно поставленные психолингвистические эксперименты.

По наблюдениям автора, возвратный перфективный пассив – причем иногда в сопровождении агенса в твор. падеже – в последние десятилетия испытывает нечто вроде ренессанса в русском языке. Верно, что эту форму никак нельзя признать частой и свободно образуемой; она не характерна для научно-делового, официального, формального стиля речи – быть может, правильнее сказать, что она в нем почти исключена. Однако для такого стиля практически неприемлем и ряд других грамматических форм – например, вокатив (*мам, пап, Наташ*), компаратив на *-ей* (*красивей, больней*), формы твор. падежа ед. числа с двухсложным окончанием (*стеною, каплею, новою*) и др., но это обстоятельство никоим образом не выводит подобные "разговорные" или "поэтические" формы ни из русского языка, ни из русского словоизменения. Возможно, одним из источников "гонений" на формы ВПП со стороны ряда русских грамматик и грамматических исследований следует признать закрепленность этих форм за неформальным разговорным стилем речи, устной и письменной, или за поэтической функцией языка⁶.

1.2. Возвратный перфективный пассив в книге Н.А. Янко-Триницкой

Приемлемость ВПП в русской речи была обоснована и богато проиллюстрирована еще сорок лет назад в книге [Янко-Триницкая 1962] (сокращенно – [ЯТ]). На страницах книги (с. 21, 88, 97, 98, 100, 102, 103, 113, 120, 121, 124, 132–134, 141–145, 147) приведено более 80 примеров, характеризуемых автором как случаи употребления "возвратного глагола совершенного вида со страдательным значением" (с. 132); из этих примеров около пятидесяти мне представляются бесспорными⁷. В 28-ми случаях в примере фигурирует агент в твор. падеже, причем 20 примеров такого рода, на мой взгляд, бесспорны. Достоин удивления, что трактовка ВПП и материал из этой книги в последующие годы не были по-настоящему усвоены русистикой. Достаточно обратиться к цитатам П4, чтобы убедиться в правомерности включения в русскую грамматику форм ВПП; однако в силу важности данного материала читателю предлагается ниже несколько выразительных примеров из [ЯТ] – все с агенсом в твор. падеже⁸:

⁶ В поэзии эти формы – охотно принимаемые гости, например: *Мне жаль не узнанной до времени строки. / И все ж строка – она со временем прочтется, / и перечтется много раз, и ей зачтется, / и все, что было в ней, останется при ней* (Ю. Левитанский, "Всего и надо, что взглядеться – боже мой..."). См. также стихотворные цитаты в П4 (особенно любит такие формы Некрасов).

⁷ Спорность фразы связана с тем, что в ней возвратный перфективный глагол может интерпретироваться (в особенности противниками ВПП как реального языкового феномена) не в страдательном значении, т. е. не так, как интерпретировала его Н.А. Янко-Триницкая. Скажем, в примере из Лермонтова *Старайтесь смотреть на меня как на пациента, одержимого болезнью еще неизвестной, – и тогда ваше любопытство возбудится до высшей степени* [ЯТ: 132] словоформа *возбудится* может трактоваться не как ВПП от невозвратной лексики ВОЗБУЖДАТЬ (или ВОЗБУДИТЬ), а как форма особой возвратной лексики ВОЗБУЖДАТЬСЯ (или ВОЗБУДИТЬСЯ). Автору, впрочем, предпочтительна первая трактовка.

⁸ Все подчеркивания в примерах принадлежат автору настоящей работы.

Следовало бы отдать под суд боцмана, если все, что говорил Митюшин, подтвердится дознанием (К. Станюкович) [с. 133].

Книга Поля де Крюи "Охотники за микробами" прочитается с большим интересом и специалистом-микробиологом и юношей, не издавшим еще ни одной научной книги (Н. Кольцов) [с. 133].

Уверенность эта внезапно впиталась всем существом Рагозина и стала действительностью» (К. Федин) [с. 143].

Давно ли вы так поработились ими, о боже (Ф. Достоевский) [с. 145].

С точки зрения моих языковых вкусов и чутья, эти примеры, как и большинство других примеров ВПП в [ЯТ], не выглядят чужеродными и современной синтаксической нормой⁹.

1.3. Страдательность в возвратных формах совершенного вида

Может возникнуть вопрос о том, правомерно ли вообще усматривать в формах, которые подводятся здесь под рубрику ВПП, страдательное значение в собственном смысле слова. Существует мнение о принципиальной несовместимости возвратных перфективов с пассивом (со страдательностью); в соответствии с таким мнением даже правильный для большинства пример (1) со словоформой *раскупятся* не содержит проявления пассива, а возвратная словоформа в нем принадлежит к особой возвратной лексеме сов. вида РАСКУПИТЬСЯ. Но тогда носители такого мнения должны аналогичным образом трактовать и имперфективную словоформу, т. е. считать, что словоформы *раскупают* и *раскупаются* принадлежат тоже к разным лексемам.

Рассмотрим соотношения между предложениями¹⁰:

(14) (а) *Публика довольно быстро раскупала книгу* – (б) *Книга довольно быстро раскупалась публикой*

(15) (а) *Публика довольно быстро раскупила книгу* – (б) *Книга довольно быстро раскупилась публикой*

Мне представляются бесспорными следующие факты: 1) смысловые равенства (с точностью до актуального членения) '(14a)' = '(14b)', '(15a)' = '(15b)'; 2) смысловая пропорция: '(14a)' :

⁹ Поэтому данные моего языкового чутья (как и ряда других коллег) резко расходятся с замечанием Е.В. Падучевой [2001: 74] (см. П16): "В современном языке такие употребления воспринимаются как устаревшие (что игнорируется в [Янко-Триницкая 1962: 132])".

¹⁰ Те читатели, языковая интуиция которых восстает против форм ВПП в прош. времени с агенсом в твор. падеже, но допускает такое в будущем времени, могут перевести эти примеры в будущее время; при этом в (14) сказуемые-словоформы заменятся на аналитические формы.

‘(14b)’ = ‘(15a)’ : ‘(15b)’. Поскольку предложения в каждой паре различаются только глагольными формами, можно перейти к другой смысловой пропорции: ‘раскупала’ : ‘раскупалась’ = ‘раскупила’ : ‘раскупилась’. Из этого вытекает, что в отношении залога и в отношении обладания страдательным значением словоформы *раскупалась* и *раскупилась* – и словоформы из других аналогичных пар – должны трактоваться одинаково. Грамматическая трактовка этих словоформ обусловлена тем, к ведению словоизменения или словообразования относятся, во-первых, возвратные страдательные формы и, во-вторых, члены видовых пар. При любой из четырех возможных альтернатив решение по поводу признака страдательности относительно словоформ *раскупалась* и *раскупилась* должно быть единым (т. е. этот признак для каждой из них должен быть либо граммемой, либо принадлежностью лексемы).

Встречается и менее категоричное мнение: если и признавать возможность страдательного значения у возвратных форм в совершенном виде, то на это значение накладываются в данном случае другие значения – значения неожиданности, случайности или какие-либо другие значения модального характера. Так, в работах Ю.П. Князева говорится следующее:

<...> в русском языке большинство приводимых примеров пассивных РГ <рефлексивных глаголов> совершенного вида (см., например: Янко-Триницкая 1962: 132–134, 141–143) содержат дополнительный модальный оттенок неожиданности или случайности и в то же время существуют и чисто пассивные РГ, например, *подвергнуть* – *подвергнуться* <...> [Князев, Недялков 1985].

<...> в современном русском языке, в отличие от других славянских языков, возвратные глаголы совершенного вида практически не используются в функции собственно пассива, не осложненного различными смысловыми добавками. Между тем в XIX веке такое их употребление было вполне возможно; ср. примеры, приводимые Л.А. Булаховским: *Письмо тебе вышлетя; На могиле напишется; Сделается новая государственная печать; Произведется перепись* <...>. Сейчас в подобных употреблениях практически всегда присутствует идея неожиданности или случайности достижения результата: *Может, им еще повезет, и Авдотья, ее дочь, с младшим внуком, Толиком, еще отыщутся* (П. Проскурин. Снова дома); *К счастью, именно в этот месяц написалась у меня легко "Кречетовка" – прямо для журнала, первый раз в жизни* (А. Солженицын. Бодался теленок с дубом) [Князев 2002].

Позволю себе выразить несогласие с приведенными цитатами как в отношении примеров из [ЯТ] (в чем читатель может убедиться по П4), так и в отношении современного русского языка: указанные значения отнюдь не всегда сопровождают соединение в глаголе возвратности, сов. вида и страдательности – см. (1) – (6), (11), (12) (среди прочих первых 13 примеров в разд. 1.1). Собственно, приведенные в последней цитате примеры из Проскурина и Солженицына при их преобразовании из страдательного залога в действительный, как представляется, сохраняют "идею неожиданности или случайности достижения результата", привносимую контекстом (если таковую в них усматривать): ... *Авдотью, ее дочь, с младшим внуком, Толиком, еще отыщут; ... именно в этот месяц я легко написал "Кречетовку" ...*

1.4. Факторы, благоприятствующие употреблению возвратного перфективного пассива

В языке русской старины формы ВПП были вполне допустимы; ср. у Л.А. Булаховского [1954: 119–120]:

Можно отметить отдельные случаи, когда авторы изучаемого времени образуют синтетические (цельные) формы будущего времени совершенного вида страдательного залога, в наше время заменяемые аналитическими: <...> *Закроются* глаза мне чуждою рукою (Гнедич, Танкред, 1809). <...> ... Введет, введет меня в их круг священный. Их *окоужусь* блаженною толпой... (Кюхельбекер, Давид, 1829). <...> Если когда-нибудь... подобная перепись *произведется* на сем основании, я непременно потребую патента на изобретение (Бестужев-Марлинский, Мулла-Нур, 1836). <...> Могила милосерднее ее [старости], на могиле *напишется*: "здесь погребен человек"... (Гоголь, Мертвые души, I, 1842). На акте нашем в будущем году новый уже ректор должен будет почтить память Балугьянского (если только не *отбросится* обычай, самовластно введенный мною) (Письмо П. А. Плетнева к Я. К. Гроту, 1847)¹¹.

Читателю предлагается вернуться к цитатам из писем Пушкина в нашем примечании 3; именно с первой из них начинается ряд примеров у Булаховского. Можно предполагать, что полвека назад подобные примеры воспринимались как более архаические, чем в настоящее время. Теперь отнюдь не во всех случаях мы заменяем ВПП на аналитические формы, иногда синтетическая страдательная форма сов. вида выглядит гораздо естественнее или выразительнее; бывают случаи, когда она представляется единственно возможной – см. пример (7) в разд. 1.1. Формы ВПП, например, *составится, составила*, – это словоформы; аналитические же формы страдательного залога, например *будет составлена, была составлена*, – это словосочетания; словоформа обладает большей сжатостью, нежели (квази)синонимичное ей словосочетание. В непринужденно-разговорном стиле общения (да и не только в нем) более сжатая, компактная единица нередко предпочитается единице более пространной. Попытаемся понять, почему это происходит.

По длительности произнесения формы ВПП бывают короче аналитических форм на 1–2 слога. В самом деле, они возможны только в прош. и буд. времени (как формы сов. вида). В прош. времени только для мужского рода слоговая длина форм ВПП и аналитических форм пассива совпадает: *со-ста-вил-ся* – *был со-став-лен*; для других родов и мн. числа первые короче вторых на слог: *со-ста-ви-лась* – *бы-ла со-став-ле-на* и т. п. А в буд. времени (которое, как кажется иным, более благоприятно для ВПП) синтетические формы короче

¹¹ В письмах Грибоедова имеется 11 таких употреблений (по данным электронного конкорданса к произведениям Грибоедова, разработанного А.Е. Поляковым, – см. <http://www.inforeg.ru/concord/index.htm>), например: *Начались и продолжались толки о перемирии на то время, как пошлетя донесение в С.-Петербург и получится желаемый ответ, т. е. от 4-х до 5-ти недель* (письмо И.Ф. Паскевичу от 30 июля 1827).

аналитических для мужского рода на слог (*со-ста-вит-ся – бу-дет со-став-лен*), а для прочих форм – уже на два слога (*со-ста-вит-ся – бу-дет со-став-ле-на* и т. п.).

Форма ВПП отличается от соотносительной аналитической формы не только однословностью и краткостью, есть и семантическое различие (которое, разумеется, в конкретных контекстах может нивелироваться) – различие между акциональным и статальным аспектами ситуации, обозначаемой глагольной формой. Это различие касается не только форм ВПП и аналитических форм страд. залога сов. вида – оно охватывает вообще противопоставление любых возвратных и невозвратных страдательных форм для обоих видов. Рассмотрим следующие пары глагольных форм (третья строка в правом столбце не заполнена вследствие невозможности презенса для перфективных причастий):

НЕСОВ. ВИД	СОВ. ВИД
<i>читается – читаема</i>	<i>прочитается – будет прочитана</i>
<i>читалась – была читаема</i>	<i>прочиталась – была прочитана</i>
<i>читающаяся – читаемая</i>	—
<i>читавшаяся – читанная</i>	<i>прочитавшаяся – прочитанная</i>

Первые – возвратные – члены пар изображают соответствующую ситуацию скорее с акцентом на ее акциональный аспект, вторые – невозвратные – скорее на ее статальный аспект; первые подают ситуацию скорее в ее развертывании, вторые – скорее с точки зрения ее возможных последствий или результата действия. В особенности статальный аспект ситуации проявляется в невозвратных формах сов. вида (т. е. в правых членах правого столбца). В самом деле, вернемся к словоформе *раскупятся* из примера (1) разд. 1.1; спросим себя, полностью ли синонимичны предложения *Экземпляры раскупятся* и *Экземпляры будут раскуплены*. Думается, в первом обращается внимание на процесс будущего раскупания книг, а во второй – на его результат, на то положение дел, которое возникнет после него.

Во всяком случае, отношение между возвратными и невозвратными страдательными формами выглядит не так, как случаи других грамматических дублетов в русском языке. Скажем, обычные и "поэтические" формы творительного падежа (*стеной – стеною*) различаются только стилистически; синтетические и аналитические формы компаратива тоже являются собой факт (квази)синонимии в языке (*Первая задача труднее второй ≈ Первая задача более трудная, чем вторая*), а выбор между ними, думается, обуславливается не собственно семантическими, а синтаксическими или стилистическими факторами. Нельзя исключить некоторой значимости факторов такого рода и для обсуждаемого противопоставления, однако в нем задействована и семантика, а именно, как было сказано, различие между действием и состоянием¹².

¹² Ср. у В.В. Виноградова [1947: 640]: "<...> возвратная форма 3-го лица в страдательном значении гораздо более активна. Она близка к средне-возвратному значению, она гораздо менее выражает пассивное состояние субъекта, чем страдательно-причастная конструкция (ср., например, *поле вспахивалось колхозником* и *поле было*

Иногда фразы с формами ВПП кажутся иным носителям языка шероховатыми и искусственными и потому ими отвергаются (так случается со многими примерами искусственного происхождения). Если мы возьмем, скажем, примеры (14) и (15) и удалим из них обстоятельство образа действия *довольно быстро*, то качество предложений – особенно в (b) – станет хуже:

(16) (a) *Публика раскупала книгу* – (b) *Книга раскупалась публикой*

(17) (a) *Публика раскупила книгу* – (b) *Книга раскупилась публикой*

Предложение (17b) оказывается в данном случае для некоторых носителей языках на грани приемлемости. Это касается и других контекстно бедных примеров с формами ВПП (и вообще с ВСФ), сопровождаемых твор. падежом, в частности, предложений, приводимых В.И. Гавриловой и квалифицируемых ею – на мой взгляд, слишком категорично – как неправильные (в работах [Гаврилова 1998: 98; 2001: 163] и в материалах к ее докладу на аспектологическом семинаре в МГУ 16 октября 2002 г.): *Смета составила<ся>*, *Пыль поднялась ветром*, *Дом построился Х-ом*, *Компьютер отремонтировался*, *Забор покрасился*; и т. п. Для меня и в таком бедном окружении подобные фразы остаются приемлемыми, однако при расширении контекста посредством, например, сочетаний типа *сам собой*, *сам по себе* в соответствующем роде и числе (на них указывает – вслед за Янко-Триницкой – и Гаврилова) или посредством обстоятельств образа действия или времени – ср. (15b) и *Книга раскупилась публикой за два часа* – фразы во многих случаях становятся, как мне представляется, безупречными в синтактико-стилистическом отношении.

1.5. Средства отражения противопоставления возвратных и невозвратных форм страдательного залога в грамматическом описании

Если с согласиться с существованием тонкого семантического различия между возвратными и невозвратными формами страдательного залога, тогда в грамматическом описании необходимо предусмотреть средства для отражения их противопоставления. В книге [Перцов 2001: 144] было предложено ввести для этого особую словоизменительную категорию, определенную только для форм страдательного залога, – категорию возвратности – с граммемами ‘невозвратность’ / ‘возвратность’; там же был указан альтернативный вариант описания (с. 164): ввести квазиграммему ‘возвратность’¹³, посредством которой

вспахиваемо колхозником). На это обратили внимание Потехня, Овсяннико-Куликовский и Шахматов" (подчеркнуто мною – Н.П.).

¹³ Квазиграммема – очень важное грамматическое понятие и термин, введенные И. А. Мельчуком [1997: 287] для обозначения изолированного, т. е. внекатегориального, словоизменительного значения. Необходимость в квазиграммемах возникает потому, что в системах словоизменения языков различного строя (в том числе

характеризуются возвратные формы страдательного залога (тогда невозвратные отличены от возвратных просто по отсутствию у первых квазиграммемы 'возвратность'). В настоящий момент автор считает предпочтительным второй – квазиграммемный – вариант описания. Мотивы такого предпочтения составляют отдельную большую тему, которую автор надеется осветить в другой работе.

1.6. Принцип разграничения грамматических и семантических факторов в морфологии и его применение к возвратному перфективному пассиву

В предисловии к словарю [Зализняк 1977] (сокращенно – [ГС]) принята негативная по отношению к ВПП точка зрения: формам ВПП отказано в праве на существование (см. П7), причем этот отказ никак не обосновывается – скорее всего, в предположении, что такая точка зрения общепринята (видимо, из аналогичных предположений в [ГС] постулировано отсутствие в страдательном залоге форм императива, 1-го и 2-го лиц презенса и деепричастия¹⁴). На мой взгляд, такая трактовка противоречит важному и плодотворному методологическому принципу, проведенному в теоретическом предисловии в [ГС], хотя и не сформулированному в нем с полной отчетливостью. Этот принцип можно назвать **принципом разграничения грамматических и семантических факторов** – сокращенно, **принцип РГС**, – а применительно к морфологии сформулировать его можно следующим образом:

В морфологическом описании при оценке предполагаемой невозможности или затрудненности некоторой формы необходимо различать собственно морфологические и семантические факторы.

Этот принцип предписывает такую линию рассуждений в отношении к той или иной "сомнительной" форме *F*: если сомнительность формы *F* обусловлена сугубо семантическими факторами, т. е. странностью соединения некоторых значений, а с точки зрения системы языка (морфологии, фонетики, акцентуации и др.) препятствий для образования *F* нет, тогда форму *F* следует признать потенциально существующей.

Так, в [ГС: 6–7] признано – и совершенно справедливо – морфологическое существование форм, которые ранее принято было отвергать без какого-либо прояснения природы данного отвержения: 1) форм мн. числа для ВСЕХ *singularia tantum* – *еды*, *диеты*, *нейтралитеты* ("практически оно почти никогда не употребляется, но при необходимости

среднеевропейского стандарта) обнаруживаются словоизменительные значения, не отвечающие принципу обязательности грамматического значения. Подробнее см. [Перцов 2001: 84 сл.].

¹⁴ Проблема существования таких форм рассматривается в работе [Перцов 2003].

все же может быть построено и будет правильно понято"¹⁵); 2) кратких форм для значительного круга относительных прилагательных – *пограничен, оловянен, соснов* («эти краткие формы потенциально существуют <...>: любое из таких прилагательных может приобрести в соответствующем контексте "качественный" оттенок, и тогда краткие формы оказываются вполне естественными»); 3) форм сравнительной степени для того же круга относительных прилагательных¹⁶. В связи с потенциальными формами существенна следующая цитата из предисловия А.А. Зализняка (с. 7), подчеркнутые (мною – Н. П.) фрагменты которой по существу содержат в себе принцип РГС:

Сложную проблему для грамматического словаря составляет отражение потенциальных форм, т. е. форм, которые фактически почти никогда не встречаются, но при необходимости все же могут быть образованы по общим правилам русского словоизменения <...>. В силу принятой в настоящем словаре системы индексов словарная статья включает в себе информацию о том, как образуются все формы парадигмы, включая те, которые фактически неупотребительны. При этом степень употребительности форм как таковую настоящий словарь не отмечает, поскольку неупотребительность или малоупотребительность некоторой формы обычно определяется значением слова, а не его морфологическими особенностями. Для настоящего словаря существенно лишь то, возникает ли при окказиональном образовании подобных потенциальных форм какая-либо морфологическая трудность или морфологическая неоднозначность.

По моему разумению, принцип РГС предписывает признание морфологического существования ВПП даже для тех случаев, когда формы считаются "неупотребительными" или "малоупотребительными" (в разд. 1.1 выше была показана сомнительность подобного мнения о формах ВПП – по крайней мере в отношении их неупотребительности). Ясно, что собственно морфологических препятствий для образования форм ВПП – *составится, прочитается, отредактируется, переписется* и т. п. – нет никаких; во всяком случае, такие формы выглядят гораздо естественнее и привлекательнее, нежели большое число форм, которым словарь Зализняка открыл путь в русское словоизменение, что можно только приветствовать. Возьмем, например, лексику КВАРТИРНЫЙ с ее потенциальными словоформами *квартирен, квартирна, ..., квартирнее*, свободно допускаемыми соответствующей словарной статье в [ГС]; для таких словоизменительных окказионализмов непросто придумать какой-либо поэтический или юмористический контекст; однако ясно, что сделать это можно и что описание словоизменения должно предусматривать такую возможность. Словоизменительные окказионализмы определенных типов ДОЛЖНЫ предусматриваться в описании словоизменения¹⁷. Окказиональность такой формы

¹⁵ Что подтверждается использованием таких форм в поэтических целях, ср. данные в [Ремчукова 2001]: формы *золот, нутр* у Маяковского, *тишизн, немот* у Цветаевой.

¹⁶ Нужно сказать, что в отношении компаратива в [ГС] наблюдается расхождение, отмеченное самим автором словаря, между отнесением компаратива к словообразованию в теоретическом предисловии и оформлением его как словоизменительной единицы в составе самих словарных статей. Мотивы для теоретического "изгнания" компаратива из словоизменения в предисловии не прояснены.

¹⁷ Поэтому ссылка в П17 на окказиональный характер форм ВПП (даже если бы ВПП был окказионален всегда, что не так) не может служить аргументом для их отвержения. О грамматических окказионализмах и потенциальных формах см. [Ремчукова 2001].

компаратива, как *квартирнее*, неравнозначна окказиональности, скажем, такого образования, как **центрее* (псевдокомпаратив от существительного ЦЕНТР: *Ваш дом в центре, а наш дом "центрее" вашего*): первая форма, сколь бы игровыми или игривыми ни были ее мыслимые употребления, "вкладывается" в русскую грамматику, а вторая – нет¹⁸.

Для форм же ВПП нужные контексты зачастую создаются легко и свободно, при этом во многих случаях неуместно говорить об окказиональном, "поэтическом" или юмористическом использовании форм – см. примеры (1) – (13) в разд. 1.1 или примеры из П4 в приложении.

2. Возможные обобщения понятий "страдательное значение" и "страдательный залог"

В настоящем разделе развивается трактовка понятия, обобщающего прототипическое понятие страдательного значения (залога); к этому понятию здесь тоже применяется термин «страдательное значение» («страдательный залог»). Я никоим образом не настаиваю на таком терминопотреблении: для меня гораздо более существенно само движение от прототипического понятия к его возможным обобщениям. Если окажется, что использование традиционного термина для обозначения более широкого понятия наталкивается на те или иные трудности, для последнего нужно будет найти другое наименование.

2.1. О спонтанных и статальных значениях страдательного залога

Нередко считается, что при отсутствии явно выраженного агенса при возвратной глагольной форме или форме со страдат. причастием на *-н/-т* страдательность оказывается ослабленной или даже исчезает вовсе, а глагольная форма тогда приобретает какое-то другое значение – общевозвратное в случае возвратного глагола или значение состояния в случае причастной конструкции. Скажем, в [ЯТ: 127–129] утверждается, что в случае присоединения местоимения *сам* (*собой / по себе*) в соответствующем числе и роде – *мина сама управляется, песнь сама собой слагается в уме, ребёнок воспитывается сам по себе* и т. п. – в возвратном глаголе происходит "устранение страдательного значения". Аналогичное утверждение делается иногда по поводу причастных форм на *-н/-т* со статальным значением; например, в [Апресян 2002: 21] говорится, что во фразах типа *Собака была привязана к дереву пять минут* такие формы "утрачивают страдательное значение и обозначают не действия, а состояния" – при них "невозможно агентивное дополнение в форме ТВОР".

Назовем указанные употребления возвратных форм **спонтанными**, а указанные употребления причастных форм – **статальными**, и так же будем называть значения,

¹⁸ А, скажем, в венгерском языке от существительного образовать компаратив можно [Мельчук 1998: 124]: *róka* + **bb** 'в большей степени лиса [перен.]'; *szamar* + **abb** 'в большей степени осёл [перен.]'.

выражаемые соответствующими формами; тогда прототипические употребления страдательных форм – с явным или подразумеваемым агенсом и возможностью соотнесения с действительной конструкцией – и соответствующие значения форм можно назвать **акциональными** в случае возвратных форм и **процессуальными** в случае причастных¹⁹. Представляется удобным также такое терминологическое разграничение: спонтанные и статальные объекты объединить под рубрикой **несобственно страдательные** (несобственно пассивные), а акциональные и процессуальные – под рубрикой **собственно страдательные** (собственно пассивные).

В чисто семантическом аспекте различия между собственно и несобственно страдательными употреблениями очевидны. Возвратная спонтанная форма не может быть соотнесена с действительной конструкцией – в сопровождении ли выражения *сам собой*, под влиянием ли общего контекста, как в примере из Л. Леонова, приводимом в [ЯТ: 129] – <...> *в душе на все лады пелась любимая ее поговорка* <...>. Такого рода выражения или контексты как раз "зачеркивают" всякое представление о внешнем агенсе: ситуация представлена как развертывающаяся либо за счет собственных ресурсов ее партиципанта, в случае, скажем, автономно действующего механизма – *мина сама управляет*, – либо самопроизвольно – *белье само стирается* (допустим, в случае, когда белье сложено в сетку и помещено под чистую родниковую струю). Для приведенных предложений мы не можем построить аналогичные предложения с действительным глаголом: выражения *пел* <*пели*> *поговорку* или *управляют миной* привносят представление о внешнем агенсе, которое как раз отсутствует в предложениях со спонтанной формой.

Аналогичным образом, в случае статальной причастной формы – *Собака была привязана к дереву пять минут* или *собака, привязанная к дереву пять минут* – мы также лишены возможности соотнести ее с действительной конструкцией: скажем, попытка перевести эти выражения в неопределенно-личный актив приводит к неприемлемым результатам – **Собаку привязали к дереву пять минут* и **собака, которую привязали к дереву пять минут*.

Итак, в спонтанных и статальных употреблениях имеет место очевидный семантический сдвиг в сопоставлении с акциональными и процессуальными. Встает вопрос, является ли этот сдвиг основанием для постулирования в этих случаях других **грамматических значений?** – На мой взгляд, ни в коей мере.

Мне представляется, что все четыре выделенные значения – акциональные ~ спонтанные, процессуальные ~ статальные – являются разновидностями (подзначениями, интерпретациями) единого грамматического значения – страдательного (пассивного). Это аналогично объединению в рамках одной граммы (одного грамматического значения) разнообразных семантем, связь между которыми обнаруживается подчас с большим трудом.

¹⁹ Терминология для причастных форм следует разграничению в [Исаченко 1960: 365] "процессуального" и "статального" пассива (*Дом построен в прошлом году* ~ *Дом построен из кирпича*).

Именно так в рамках граммемы ‘мн. число’ объединяются значения ‘прямое’ (более одного объекта), ‘сорта’, ‘протяженность’, ‘интенсивность’, ‘гиперболическое’, ‘пейоративное’ и др. [Перцов 2001: гл. IV]; в рамках граммемы ‘наст. время’ – значения ‘прямое’, ‘историческое’, ‘профетическое’, ‘хабитуальное’, ‘гномическое’ и др. (а в рамках граммем двух других времён – их соответствующие значения) [там же: гл. V]; в рамках граммемы императива – значения ‘прямое’ (непосредственное побуждение), ‘оптативное’, ‘дебитативное’, ‘импоссибилитивное’, ‘условное’ и др. [там же: гл. VI].

Нужно сказать, что возможности спонтанных интерпретаций для страдательных форм носят весьма регулярный характер: ВСФ может получить спонтанное значение – например, в сочетании с выражением *сам собой*; причастные перфективные формы на *-н/-т* от очень большого числа глаголов могут, как представляется, под воздействием контекста приобретать статальное значение. Регулярность в этих случаях носит гораздо более четкий и объемный характер, чем в случае семантем числа, времени или императива; скажем, отнюдь не всякое существительное допускает во мн. числе значение ‘сорта’, не всякий глагол в наст. времени – значение ‘профетическое’, не всякая форма императива – значение неожиданного факта в прошлом (*А он и **попади** в лужу*), и т. п.

Отношение между акциональным и спонтанным значением возвратной формы, помимо его регулярности, носит гораздо более тесный характер, нежели отношения между традиционно выделяемыми возвратными значениями, к каковым относятся [РГ 1980: 617–618]: собственно-возвратное (субъект направляет действие на самого себя: *мыться*), взаимно-возвратное (совместное, направленное друг на друга действие: *целоваться*), косвенно-возвратное (действие, совершаемое субъектом в своих интересах: *запасаться*), активно-безобъектное (действие как постоянное и характерное свойство субъекта: *кусаться*), характеризующе-качественное (действие как характерная для субъекта склонность или способность подвергаться какому-либо воздействию: *нитки плохие, рвутся*), общевозвратное (действие, замкнутое в сфере субъекта как его состояние: *сердиться*), побочно-возвратное (действие как соприкосновение с объектом: *цепляться за руку, ушибиться об угол*), интенсивное (*стучаться*), аттенуативное (*белеться*), безличное (*верится, плачется*). Ни для одной пары <‘*m_i*’, ‘*m_j*’> из возвратных семантем, кроме пары <‘акциональность’, ‘спонтанность’>, нельзя построить импликацию ‘*m_i*’ → ‘*m_j*’, выражающую возможность для любой формы, интерпретируемой в смысле ‘*m_i*’, интерпретироваться в определенных контекстах в смысле ‘*m_j*’. Если считать спонтанность отдельным значением возвратного глагола, то тем самым эта семантема будет поставлена в один ряд с прочими перечисленными возвратными значениями, что представляется совершенно неправомерным.

Теперь обратимся к вопросу о грамматической квалификации процессуальных и статальных причастных форм в случае противопоставлений типа *Собака была привязана хозяином к дереву* ~ *Собака была привязана к дереву пять минут* и *собака, привязанная хозяином к дереву* ~ *собака, привязанная к дереву пять минут*. В первом противопоставлении

неоднозначную интерпретацию сказуемого можно было бы попытаться отразить посредством неоднозначности словоформы *была*, квалифицируя ее как вспомогательный глагол в первом предложении и как глагол-связку во втором²⁰; во втором же противопоставлении неоднозначность интерпретации сосредоточена в причастии. Мне представляется, что это не является основанием для неоднозначной грамматической квалификации причастия: оно допускает интерпретацию в собственно пассивном или в статальном смысле, сохраняя при этом грамматическое единство²¹.

Добавлю еще, что отнюдь не всегда можно четко отнести то или иное употребление ВСФ или причастной формы к собственно или несобственно страдательному значению – см. выразительные примеры их нейтрализации, приведенные и прокомментированные в [Гаврилова 1990: 33–34]: *Всё разрушается: дома, отнятые у престижных владельцев и никем не реставрируемые, разваливаются, заборы разбирают на топливо, одним словом, идет всеобщий развал* (В.Г. Короленко); *Здесь сознательно и бессознательно скрещиваются лучи правосознаний, создающих государственную форму*. (Семантическая нейтрализация в страдательной конструкции рассматривается ниже в разд. 5.)

2.2. Об инварианте страдательного залога

Для экспликации инварианта страдательного (пассивного) значения / залога в русском языке автору потребуется понятие синтаксического субъекта глагольной формы. Под синтаксическим субъектом глагольной формы будет пониматься либо подлежащее при соответствующем сказуемом (*Текст обрабатывается <должен обрабатываться> программой*), либо синтаксический трансформ подлежащего (*Чтобы обрабатываться программой в нужном режиме, текст должен быть проиндексирован; Эта функция заставляет текст обрабатываться в нужном режиме*); под синтаксическим субъектом причастной формы – либо также подлежащее при соответствующем сказуемом или его синтаксический трансформ (*Этот человек был изгнан <должен быть изгнан> нами из общества; Чтобы быть изгнанным из нашего общества, сотрудник должен сильно провиниться*), либо существительное, для которого причастие является непосредственным

²⁰ Впрочем, традиционное лексикографическое разъединение связочных и причастно-вспомогательных употреблений глагола *быть* может быть подвергнуто сомнению: ведь при глаголе *быть* могут сочиняться прилагательные и причастия, см. об этом [Тестелец 2001: 251]. Замечу, что утверждение Я.Г. Тестельца о том, что "сочиняться с прилагательными могут только конструкции со значением состояния", нуждается в коррекции, ср., например: *Мы могли не бояться: собака была зла, но за час до нашего прихода посажена хозяином на цепь*, где второй из подчеркнутых сочиненных членов – причастие – очевидным образом имеет акциональное значение.

²¹ Поэтому предложение Л.Л. Буланина [1978: 201] предусматривать для любого страдательного причастия «омонимичное» лексикализованное стативное прилагательное представляется мне неоправданным размножением языковых единиц.

атрибутом или синтаксическим трансформом атрибута (*человек, изгнанный нами из общества; Я считаю этого человека изгнанным нами из общества*)²².

Пусть рассматривается глагольная форма V_{der} – возвратная или причастная, синтетическая или аналитическая, – и пусть V_{init} – соотносительная с V_{der} исходная глагольная форма. Инвариант страдательного (пассивного) залога в русском языке может быть тогда сформулирован следующим образом.

Форма глагола V_{der} выражает страдательное значение (относится к страдательному залогу) = Синтаксический субъект формы V_{der} по отношению к ней играет ту же семантическую роль, какую играет по отношению к форме V_{init} ее второй – но не первый! – семантический актанта.

Отрицательное ограничение, касающееся первого семантического актанта, связано с необходимостью не допустить в страдательный залог собственно-возвратные формы типа *мыться* и взаимные формы типа *целоваться*, при которых синтаксический субъект может интерпретироваться и как первый, и как второй актанта исходной формы *мыть* и *целовать* соответственно.

Автор надеется, что для собственно страдательных значений и употреблений справедливость предложенного инварианта очевидна. Для несобственно страдательных значений можно предложить следующие экспликации:

для спонтанного значения: $N + V_{\text{ся}}$ (*Белье стирается само собой*) = ‘Синтаксический субъект N (*белье*) в данной ситуации интерпретируется как 2-й актанта (объект) предиката V (*стирать*), причем внешний агенс (1-й актанта) при V в данной ситуации не может быть явно выделен’;

для статального значения: $N \text{ быть}_{\text{личн}} + V_{\text{прич. -н/-м}}$ (*Собака была привязана к дереву пять минут*) = ‘Описывается состояние и/или результат, порожденные воздействием предиката V (*привязать*) на партиципанта N (*собака*), который является синтаксическим субъектом для $V_{\text{прич. -н/-м}}$ и интерпретируется как 2-й актанта для V ’.

Если же кого-либо смущает применение термина "страдательность" или "пассив" к спонтанным и статальным употреблениям, где синтаксический субъект не подвергается непосредственному воздействию со стороны внешнего агенса, то следует вспомнить об общей условности наименований для грамматических значений – то же наблюдается в упомянутых выше случаях мн. числа, всех трех грамматических времён и императива (повелительного наклонения)²³.

²² Понятие синтаксического субъекта равнозначно с понятием «носитель предикативного признака» у А.В. Бондарко [2002: 585]: "<...> подлежащее и другие языковые средства, выполняющие функцию предикатируемого компонента синтаксической структуры предложения <...>". Из приведенной экспликации этого понятия видно, что оно носит скорее синтаксический характер.

²³ Следует сказать, что предложенный инвариант по существу является обобщением и развитием идеи А.В. Исаченко [1960: 372–373]: «<...> единственным семантическим критерием пассива является направленность действия на субъект <...>; участие или неучастие "агента" (производителя действия) в самом действии представляется нам для определения пассива irrelevantным». Ср. также: «<...> суть

Предложенное обобщение страдательности – вместе с признанием словоизменительного статуса возвратных страдательных форм (см. [Перцов 2003]) – приводит к одному следствию, существенно расходящемуся как с большим числом грамматических описаний, так и с лексикографической практикой: многие перфективные возвратные словоформы оказываются при этом членами невозвратных лексем, наделенными страдательным значением, – например, формы глаголов «контакта с поверхностью» или «охвата» во фразах типа *Поля покрылись снегом, Пруд затянулся тиной, Комната окуталась дымом, Амур сковался льдом* и т. п. Так же трактуются такие формы у В.С. Храковского [1991: 179] («статическое или динамическое, обычно контактное соположение двух предметов»); в частности, Храковский – на мой взгляд справедливо – усматривает страдательное значение у глагола в предложении *Хлев держится на двух столбах*. Надо сказать, что среди традиционных инвентарей значений русских возвратных глаголов мне удалось найти единственную рубрику, в которую укладывалось бы грамматическое значение таких возвратных глаголов, – это рубрика страдательного значения²⁴.

Отступление. Ценная концептуальная трактовка возвратности и залога в русском языке предложена в работах В.И. Гавриловой (среди прочих см. [Гаврилова 1990, 1998, 2001]). Исходя из введенной выше терминологии, некоторые её предложения можно резюмировать следующим образом: (1a) в сфере возвратных форм и форм с причастиями на *-н/-т* проводится чисто семантическое (т.е. не грамматическое!) разграничение собственно и несобственно страдательных значений (употреблений, конструкций); (1b) первые именованы пассивными, а вторые – квазипассивными (т.е. пассивные объекты Гавриловой объединяют наши акциональные и процессуальные, а квазипассивные – наши спонтанные и статальные²⁵); (1c) пассивные и квазипассивные значения объединяются под единой грамматической рубрикой – страдательность (страдательное значение, страдательный залог); (2) для характеристики статальных причастных объектов предлагает использовать новый – третий – вид: статальный. Из нашего изложения видно, что в содержательном аспекте автор настоящей работы полностью солидаризируется с В.И. Гавриловой в отношении пунктов (1a) и (1c) – причём (1c) особенно существен, – а в пункте (1b) расходится с ней в отношении терминологии. Для моего терминологического вкуса устранять в отечественной грамматической терминологии русско-латинскую синонимию "страдательность" = "пассив" нежелательно: ведь подобного рода соотношения поддерживаются в других местах, например, в названиях падежей: именительный = номинатив, родительный = генитив и др. Что же касается пункта (2), мне он представляется необоснованным приёмом и здесь я не вижу мотивов для столь резкого отхода от традиции: введение третьего вида порождает серьезные осложнения как в случае словоизменительной трактовки вида (в сфере традиционных перфективных форм выделяется статальный подвид

пассивности, как это не раз отмечалось исследователями, заключается в таком представлении действия-предиката, при котором субъект устраняется с центральной позиции ("первого ранга") в структуре предложения, и на эту позицию выдвигается объект» [Бондарко 2002: 595–596].

²⁴ Другая возможная трактовка таких возвратных глаголов может быть построена на основе понятия гиперлексем в смысле В.А. Успенского [2002: 443]: гиперлексема объединяет «словоформы хотя бы и разных лексем, но такие, что соотносённые с ними роли легко сравниваются и опознаются как тождественные или различные». Залоговое (или квазизалоговое) отношение можно распространить на разные лексем одной гиперлексем, а возвратные и невозвратные глаголы «контакта с поверхностью» / «охвата» считать членами одной гиперлексем (но разных лексем), связанными залоговым отношением.

²⁵ "В квазипассивных конструкциях глагол-предикат может принимать форму либо возвратного глагола, либо причастия на *-н/-т* со связкой" [Гаврилова 1990: 29].

для особых причастных форм – и только для них), так и в случае его словообразовательной трактовки (от традиционных перфективных лексем отделяются лексемы, содержащие только особые причастные формы). Для грамматического отделения форм с причастиями на *-н/-т* от прочих страдательных форм мной предложена альтернатива описания: либо категория с двумя граммемами для возвратных и невозвратных форм, либо квазиграмма возвратности для возвратных форм (см. выше разд. 1.5). Что же касается процессуальной и статальной интерпретаций причастных форм на *-н/-т*, то, как ясно из изложенного выше, их естественно трактовать как подзначения единого грамматического значения.

Из сформулированного инварианта страдательного значения вытекает важное следствие: страдательность не связывается непременно ни с сохранением активности агенса или контролируемой хода ситуации, обозначенной глагольной формой, ни с формой выражения агенса посредством твор. падежа, ни даже с наличием явного или подразумеваемого агенса. Это следствие понадобится нам в следующем подразделе.

2.3. О возможном распространении страдательности на некоторые перцептивные и ментальные глаголы

Прототипической для страдательного залога – такой, в которой страдательность (пассив) выражена наиболее прозрачным образом, – считается трехчленная конструкция " $N_{1\text{ им}} + V_{\text{страд}} + N_{2\text{ твор}}$ ", где на месте $V_{\text{страд}}$ может стоять либо возвратная глагольная форма, либо аналитическая форма с личной формой глагола БЫТЬ и кратким страдательным причастием. Эта конструкция соотносится в действительном залоге с синонимичной конструкцией " $N_{2\text{ им}} + V + N_{1\text{ вин}}$ ". К возвратным страдательным формам нередко относят только те, которые допускают употребление в первой конструкции (и соответственно синтаксическую трансформацию во вторую конструкцию). При этом референт существительного N_2 в указанных конструкциях принято мыслить как активный агент, "производитель" соответствующего действия; поэтому, скажем, возвратный глагол *восхищаться*, как правило, не наделяется страдательным значением, поскольку в предложениях типа *Художник восхищается пейзажем* референт последней словоформы не выступает в качестве агенса, активно воздействующего на референт подлежащего. В таких случаях существенным оказывается то обстоятельство, что глагольная лексема ВОСХИЩАТЬ имеет третий актанта – с семантической ролью 'свойство или действие субъекта', – оформляемый именно твор. падежом: *Пейзаж восхищает художника своими красками*, – что позволяет "нагрузить" данной семантической ролью существительное в твор. падеже и при возвратном глаголе *восхищаться*. Тем самым формы *восхищать* и *восхищаться* обычно не трактуются как соотносительные формы действительного и страдательного залога (т. е. трактуются не так, как пара *анализировать – анализироваться*). Значение формы *восхищаться* в традиционной русистике относится к особому – нестрадательному – значению возвратных глаголов (по В.В. Виноградову [1947: 631] – к средне-возвратному, по [РГ 1980: 618] – к общевозвратному); в

недавней же статье [Iordaskaja, Mel'čuk 2002: 107–108] – при признании для данной глагольной пары конверсивного отношения – в ней усматриваются две глагольные лексемы, связанные обратным словообразованием.

Аналогичным образом не принято относить к страдательному залогу возвратные перцептивные и ментальные глаголы, управляющие дательным падежом: *Игорю видится вдалеке контур башни; Илье видится в мыслях школа; Путешественникам слышался странный гул; Вере припомнился похожий случай из ее детства* и т. п. Этим предложениям соответствуют предложения с соотносительными невозвратными глаголами: *Игорь видит вдалеке контур башни; Илья видит в мыслях школу; Путешественники слышали странный гул; Вера припомнила похожий случай из своего детства*. Верно, что во втором ряду предложений воспринимающий или вспоминающий субъект наделен большей активностью; в первом же – "возвратном" – ряду восприятие или воспоминание представлено как происходящее само по себе, без каких-либо перцептивных или ментальных усилий со стороны субъекта. Надо сказать, что такое привнесение смысла произвольности и саморазвития ситуации вообще нередко сопровождает возвратность глагола (и, возможно, косвенно связано с одной из особенностей русской языковой картины мира). Из раздела 2.1 ясно, что при отсутствии агенса возвратная глагольная форма вполне допускает спонтанное истолкование в смысле произвольно совершающегося действия: скажем, предложение *Текст редактируется* можно понять как обозначение ситуации компьютерного редактирования без вмешательства человека (в отличие от неопределенно-личного предложения *Текст редактируют*), а *Белье полощется* (в отличие от неопределенно-личного *Белье полощут*) естественно истолковать в смысле отсутствия явного активного (квази)сознательного агенса ('белье подвергается воздействию потока воды без непосредственного участия человека или механизма').

Предложенный в разделе 2.2 инвариант страдательности глагольной формы не накладывает ограничений ни на наличие агенса при ней (даже подразумеваемого), ни на его формальное выражение. Однако верно, что если конкретная глагольная форма управляет агенсом в твор. падеже и допускает трансформацию в синонимичную активную конструкцию, то эта форма несет страдательное значение. Итак, для страдательности возвратной формы R достаточно (но, как ясно из разд. 2.1, не необходимо), чтобы соотносительный с ней невозвратный глагол Q допускал следующую трансформацию из конструкции (ACT) в двухактантную конструкцию (PASS)²⁶:

²⁶ Описываемый этой трансформацией прототипический случай страдательности иллюстрирует логическое понятие конверсивности отношений Q и R: R(X,Y) должно выполняться тогда и только тогда, когда выполняется Q(Y,X) (для любых X и Y). Здесь уместно напомнить о лексической функции **Conv** из теории моделей "Смысл \Leftrightarrow Текст" [Мельчук 1974: 83]: $\text{Conv}_{21}(X) = Y$ означает, что предикаты, выражаемые словами X и Y, взаимно конверсны относительно актантов 1 и 2, т. е. что первый семантический актант предиката X занимает при Y-е место второго актанта, а второй актант X-а – место первого актанта при Y-е (и, разумеется, наоборот). Страдательный залог (и в частности страдательная возвратность) в его прототипическом проявлении может пониматься как грамматически выраженная конверсивность.

(ACT) $N_{1\text{ им}} + Q + N_{2\text{-вин}} \Leftrightarrow$ (PASS) $N_{2\text{ им}} + R + N_1$

Падеж актанта N_1 в конструкции (PASS) не определен. Под такую трансформацию подпадают не только случаи "чистого" страдательного залога (*Рабочие $[N_1]$ строят $[Q]$ школу $[N_2]$* \Leftrightarrow *Школа $[N_2]$ строится $[R]$ рабочими $[N_1]$; Программа $[N_1]$ редактирует $[Q]$ статью $[N_2]$* \Leftrightarrow *Статья $[N_2]$ редактируется $[R]$ программой $[N_1]$*), но и другие конструкции и предложения, в которых N_1 не является активно действующим партиципантом и/или не обязательно выражен в (PASS) твор. падежом:

Гул сопровождает музыку \Leftrightarrow *Музыка сопровождается гулом*

Пейзаж восхищает художника \Leftrightarrow *Художник восхищается пейзажем*

Все услышат этот призыв \Leftrightarrow *Этот призыв услышится всеми*

Ребенок слышит разговор \Leftrightarrow *Разговор слышится ребенку*

Успехи сына радуют родителей \Leftrightarrow *Родители радуются успехам сына*

На возможность такого обобщения страдательности четко указала еще сорок лет назад Н.А. Янко-Триницкая [ЯТ: 100–102] (об использовании вертикалек || в цитатах см. сноску в приложении):

Содействующий объект выражается дательным падежом при глаголах страдательного значения, образованных от переходных глаголов, обозначающих пассивное состояние субъекта (лица или живого существа), происходящее как бы помимо воли этого субъекта, например: *видеть, слышать, вспоминать, встретить, встречать* и т. п.: <...>

"Не успела она поднять трех рыжиков, вдруг *слышится ей*, что кто-то перекликается между деревьями" (Д. В. Григорович).

"*Мне часто вспоминается* и эта темная река, затененная скалистыми горами, и этот живой огонек" (В. Г. Короленко. Огоньки).

"*Ему вспомнилось* то время, когда он с Антоном Фердинандовичем мечтал сделать переворот в науке" (А. И. Герцен. Кто виноват?).

"И в молчаливом кабинете *Ему припомнилась* пора, Когда жестокая хандра За ним гналася в шумном свете" (А. С. Пушкин. Евгений Онегин). <...>

||₁₀₁ "Еще не бывших дней жара *Вообразалась* в мыслях *кафру*" (Б. Пастернак. Варьяции). <...>

Поскольку рассматриваемым глаголам полностью свойственны основные черты глаголов страдательного значения – отобъект-||₁₀₂ность и пассивность <субъекта>, – постольку нет никаких оснований отделять их от прочих возвратных глаголов страдательного значения.

В пределах же возвратных глаголов страдательного значения эти глаголы, хотя и весьма ограниченные количественно, но отличающиеся широким употреблением, могут быть выделены в отдельную группу страдательных глаголов, обозначающих, что и воздействие со стороны, выявляемое субъектом в качестве собственного признака, носит произвольный, пассивный характер.

Выражение содействующего объекта при этих глаголах дательным падежом не отличается строго закономерным характером. Некоторые страдательные глаголы сходной семантики могут иметь при себе содействующий объект, выраженный не дательным, а творительным падежом, например:

"В нем не было и тени той одуряющей приятности, благодаря которой человек, на деле ничем вам не помогший, *запоминается вами* с благодарностью навсегда" (О. Форш. Одеты камнем).

"Такой человек льстит себя надеждою, что слово горькой истины, облеченное в форму искусства, *услышится многими* и произведет желанное плодотворное впечатление, как все в сущности правое и по форме изящное" (А. Н. Островский. Письма).

С другой стороны, дательный падеж содействующего объекта возможен при некоторых глаголах, отличающихся несколько по значению от приведенных выше: <...>

"У тебя голубые глаза, ну, а *мне полюбились* карие" (М. Исаковский).

И даже:

"Или пойдет бродить окрест, И к ночи лишь вернется, Соленых рыжиков не ест, И чай *ему не пьется*»" (Н. А. Некрасов. Горе старого Наума).

Из примеров Янко-Триницкой видно, что при возвратном глаголе "содействующий объект" допускает выражение посредством и творительного, и дательного падежей, ср. пример, сконструированный мною "по мотивом" фразы из О. Форш:

Такой человек запоминается всеми / всем надолго.

Творительный падеж предполагает бóльшую, а дательный – меньшую активность со стороны "содействующего объекта" – в соотносительном же предложении с невозвратным глаголом это противопоставление может оставаться непроясненным: *Такого человека запоминают все надолго.* Тем самым получается, что на возвратный глагол перцептивного или ментального типа за счет сопутствующего дательного падежа может накладываться дополнительный смысл 'непроизвольность', который не проявляется в случае чистой страдательности, сопровождаемой твор. падежом. Отвергает ли это обстоятельство полностью допустимость трактовки конструкций с дательным падежом как частных случаев страдательности? – На мой взгляд, нет. Мне представляется, что выражение данного дополнительного смысла привносится именно падежом – ровно так же, как смысл 'некоторое (ограниченное) количество' привносится родительным или партитивным падежом в случаях типа *Он выпил вина / чаю*, где грамматическое значение самой глагольной формы не претерпевает никаких изменений по сравнению с предложением *Он выпил вино / чай*.

Можно пойти еще дальше по пути концептуального обобщения страдательности на основе конверсивности и рассматривать в этом ряду такие возвратные глаголы, которые соотносительны с непереходными невозвратными (*грезить, мечтать*) и управляют дательным падежом. Для иллюстрации этой ступени обобщения снова уместна цитата из книги Янко-Триницкой:

Сравните также глаголы *грезиться* и *мечтаться*, сопоставимые с ныне непереходными глаголами *грезить* и *мечтать*: при них также встречается дательный падеж содействующего объекта:

"Она нам призналась, что с того дня, как увидела Печорина, он часто *ей грезился* во сне" (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

"И *ей грезится* происшедшее во всей навязчивой застывшей очевидности" (К. Федин. Первые радости).

"Давно завидная *мечтается мне* доля" (А. С. Пушкин. Пора, мой друг).

"Вся соразмерная, гордая, стройная *Мне* эта женщина часто *мечтается*" (Н. А. Некрасов. Дешевая покупка) [ЯТ: 102].

Наконец, автору этих строк не кажется абсолютно неприемлемым дальнейшее движение по пути обобщений – скажем, объединение под одной грамматической рубрикой какой-то части традиционно выделяемых возвратных семантем, перечисленных в разд. 2.1 (или даже всех из них), причем не только в чисто формальном аспекте (по признаку обладания возвратным постфиксом), но и в отношении общности в синтаагматике – а, возможно, и в плане содержания. Русистике не чужда трактовка всех возвратных глаголов под единой рубрикой, о чем сказано у А.М. Пешковского [1956: 113]: «Русский же единственный глагольный залог, в о з в р а т н ы й <...>, представлен всегда о д н о й формой, именно формой на *-ся, -сь* (*моется, дерусь* и т. д.)» – а через несколько страниц автор делает попытку сформулировать «общее значение категории возвратного залога» (с. 121–122). Возвратные глаголы обладают синтаксической общностью: все они непереходны. Нельзя исключить, что при более основательном познании глубинных механизмов языка в будущем обнаружится и некая семантическая общность высокой степени абстрактности между какими-то возвратными семантемами (или даже между всеми)²⁷.

Итак, в настоящем разделе был изложен обобщенный взгляд на страдательность в русском языке: кроме прототипических фактов, к страдательному залогу отнесены (i) спонтанные (*Белье стирается само собой*) и (ii) статальные (*Собака была привязана к дереву пять минут*) употребления глагольных форм; употребления в конструкциях без активно действующего партиципанта (iii) эмотивных глаголов (*Художник восхищается пейзажем*), (iv) перцептивных (*Этот призыв услышится всеми*), (v) ментальных (*Такой человек запоминается всеми надолго*), (vi) употребления глаголов двух последних типов в конструкциях, где второй партиципant не выражен твор. падежом (*Нам слышался странный гул; Такой человек запоминается всем надолго*). Была высказана "крамольная" мысль о возможности подвёрстывания к страдательному залогу даже таких форм, как (vii) *мечтаться* и *грезиться*, – и даже (viii) о полном грамматическом объединении возвратных значений. Как сказано в начале раздела 2, автор никоим образом не настаивает на применении ко всем перечисленным ступеням обобщения единого термина "страдательный залог" – хотя в отношении ступеней (i) – (vi) ему этого хотелось бы. Можно оставить термины "страдательный залог" и "страдательное значение" только за "чистыми" случаями, однако следует признать плодотворными некоторые более общие понятия, базирующиеся на разных признаках описываемых объектов; при сохранении традиционного понимания страдательности нужно будет для предлагаемых понятий найти особые обозначения²⁸. Самое

²⁷ В компьютерно ориентированной словоизменительной морфологии объединение возвратных форм под одной граммемой (при котором, например, словоформа *ссориться* оказывается формой лексемы ССОРИТЬ) может быть оправдано практическими соображениями: нет необходимости разделять русские возвратные глаголы на допускающие и не допускающие страдательное значение (при таком разделении не обойтись без кропотливого просмотра словарей).

²⁸ В методологическом отношении проводимый здесь принцип обобщения страдательности родствен предложенному Ж. Веренка [1985: 290, 296] объединить в рамках некоторого общего понятия – "рецессивные конструкции" – разнообразные типы глагольной возвратности, среди которых пассив выступает как частный случай. Правда, объединение наших ступеней (i) – (vi) не совпадает с "рецессивностью" по Веренку.

существенное для автора – различение разных типов объектов в рамках их иерархии (см. эпиграф); обозначение же выделенных типов, сколь бы важным оно ни было, всё-таки дело вторичное.

3. Семантическая нейтрализация в возвратных страдательных конструкциях

В подавляющем большинстве случаев употребление неоднозначной языковой единицы (словоформы, аффикса, граммемы, синтаксической конструкции) разрешает неоднозначность в пользу какой-либо одной конкретной интерпретации этой единицы. Данную закономерность можно назвать "принципом однозначности единицы в тексте".

Тем не менее случаи нарушения этого принципа встречаются, причем не в том смысле, что контекст не позволяет выбрать интерпретацию для конкретной текстовой единицы, а в том смысле, что либо (i) само "смысловое задание" языкового выражения подразумевает более одной интерпретации²⁹, либо (ii) выбор какой-либо из некоторого множества интерпретаций (как правило, двухэлементного) вообще нерелевантен. Случай (i) можно подвести под рубрику "совмещения значений" (см. [Перцова 1988], о совмещении значений в поэтическом тексте [Перцов 2000]), а случай (ii) – под рубрику семантической нейтрализации.

О феномене семантической нейтрализации в сфере грамматических значений я упоминал в книге [Перцов 2001: 121–122, 166 примеч. 8], примеры из которой уместно повторить и здесь: во фразе *Эта станция 16 февраля 1925 г. впервые транслировала в эфир оперу "Евгений Онегин" из Большого театра*, приведенной и прокомментированной в [РГ 1980: 592], нерелевантной для смысла представляется видовая характеристика двувидовой глагольной словоформы, а в вопросительном предложении *В вашем доме есть какаду?* – числовая характеристика последней словоформы. Семантическая нейтрализация ярко проявляется и в сфере русских страдательных конструкций.

В литературе отмечались факты "диффузного" употребления единиц в конструкциях с возвратными глаголами – как самой возвратной формы, так и сопровождающей ее формы твор. падежа существительного: говорилось о возможности неоднозначного истолкования первой в страдательном или нестрадательном смысле, а второй – в агентивном или орудийном. Это восходит к глубокой старине – в статье И.Ф. Калайдовича 1824 г. читаем:

<...> знаменованіе глаголовъ Русскихъ часто опредѣляется другими словами, входящими в составъ рѣчи, такъ, что ежели глаголь стоитъ отдѣльно, то нельзя рѣшительно относить его к одному какому либо залогоу. Ещё чувствительнѣе неточность сія въ примѣрахъ глаголовъ страдательныхъ, возвратныхъ, взаимныхъ. На пр. въ предложеніяхъ: *Петръ обогатился торговлею; утро вечером смѣнялось* (Жуковский) кроется двусмысленность, которую (и подобныя ей) необходимо объяснять должно. Творительные падежи *торговлею, вечеромъ* могутъ быть приняты за орудія, которыми *Петръ, утро* дѣйствовали; и въ семъ случаѣ глаголы *обогащаться, смѣняться* будутъ возвратные (*Петръ обогатилъ себя торговлею; утро смѣняло себя вечеромъ*). Сіи же падежи

²⁹ Причем необязательно такое совмещение интерпретаций должно носить характер языковой игры, см. примеры в [Перцова 1988: 72–73; Перцов 2001: 31–32, 63 примеч. 7].

могут быть приняты за предметы дѣйствующіе, коихъ страдательные суть *Петръ, утро*: и тогда помянутые глаголы получать знаменованіе страдательныхъ (торговля обогатила Петра; вечеръ смѣнял утро) [Калайдович 1824: 77–78].

В.В. Виноградов [1947: 649], указывая на "промежуточные значения, в которых ни страдательное, ни среднее не выступают достаточно ярко, а как бы перебивая друг друга, дают новое сложное значение возвратной формы", иллюстрировал этот феномен примерами из Л. Толстого (*В то время, как Андрей вошел в комнату, слова Магницкого заглушились смехом*) и Лескова (*Холодное солнце то выглянет, то заблещет, то снова занавесится тучами*). Примеры, демонстрирующие возможность двойственного истолкования возвратных глаголов ("и как страдательных и как нестрадательных"), приводит Н.А. Янко-Триницкая [ЯТ: 129]: *Тетя Соня жила у сестры и посвятила жизнь ее детям, которых любила всем запасом чувств, не имевших случая израсходоваться и накопившихся с избытком в ее сердце* (Д. Григорович); *Стадней богател с каждым днем и становился непреодолимой силой, а мужики все больше запутывались в его тенетах* (Ф. Гладков); *В военной гавани суматоха. Одни суда уже в кампании, другие вооружаются. Начинаем и мы вооружать свой трехмачтовый крейсер* (А. С. Новиков-Прибой).

В книге [Бондарко, Буланин 1967: 179] пример из Л. Толстого – *Партия, в которой шла Маслова, отправлялась с вокзала в три часа* – анализируется следующим образом:

При соотношении этого оборота с неопределенно-личным (*п а р т и ю о т п р а в л я л и*) форму *отправлялась* можно определить как форму страдательного залога. Однако более естественно ее воспринимать как форму действительного залога». Здесь у авторов сноска: "Рассматриваемый пример ставит интересную теоретическую проблему. Оказывается, даже в контексте залоговая форма не допускает однозначной трактовки. По-видимому, в этом и других аналогичных примерах (они не единичны) мы имеем дело с нейтрализацией залогового противопоставления" (подчеркнуто мною. – Н. П.).

Мне представляется, что в данном случае выбор между истолкованиями глагольной формы *отправлялась* нерелевантен. Прагматически обе ситуации в общем контексте эквивалентны: страдательное значение – 'партию отправляли' – в данном случае как бы приравнивается к действительному значению – 'партия сама трогалась в путь'. Дизъюнкция здесь имеет не разделительный, а объединительный характер. Для авторов последней цитаты предпочтительно действительное осмысление, для иных носителей языка оказывается предпочтительным страдательное ("ведь партия Масловой лишена была собственной воли, была пассивна"); для меня же здесь проблемы выбора нет вовсе.

Аналогичные факты отмечаются в [РГ 1980: 617, § 1466]: *Ишь, как в старину-то люди хоронились, – сказал мне какой-то старик* (Бунин); *Но жглись костры и обжигал огонь* (О. Шестинский); *Больное самолюбие раздражалось изо дня в день* (Панова).

В книге [Белошапкина и др. 1997: 553-554] о предложениях *Мост разводится* и *Билеты продаются* говорится, что в них "глагольные формы можно понимать и как

возвратные (обозначаются свойства субъекта), и как формы страдательного залога (обозначаются действия, совершаемые над объектами). Ср. предложения с формами страдательного залога: *Мост **разводится** в три часа; Билеты **продаются** водителем*".

По моему разумению, указанные выше факты говорят об условности противопоставления в ряде случаев страдательного и нестрадательного истолкований возвратных форм. В частности, мне представляется, что нет нужды различать такие истолкования для упомянутых словоформ *разводится* и *продаются* (как и для многих других возвратных форм) и что для обоих употреблений каждой из них естественно усматривать страдательное значение, а на последнее в конкретных употреблениях может наслаиваться значение "свойства субъекта". Подобное наслоение может обнаруживаться и в действительном залоге: *Здесь билеты продают быстро ≈ Здесь билеты продаются быстро*. Если считать, что вторая фраза сообщает о свойстве субъекта, тогда и первую следует трактовать тоже как сообщение о некотором свойстве – свойстве объекта, однако вряд ли кому-нибудь захочется усматривать разные залоговые (и вообще какие-либо) значения у словоформы *продают* в приведенной фразе и во фразе *Билеты наши распространители продают быстро* (здесь вообще неясно, идет речь о свойстве распространителей или билетов или об обычности некоторой ситуации). Можно лишь сказать, что страдательная возвратность благоприятствует проявлению значения "свойства субъекта".

Теперь обратимся к случаям диффузности интерпретации существительного в твор. падеже при возвратном глаголе. Возможность его двоякого истолкования в агентивном и орудийном смысле демонстрируется в книге [ЯТ: 94, 98–99]³⁰ следующими примерами: *Огромный тяжелый мальпост трудно возводится в горы даже шестеркой лошадей* (И. Репин) [«<эта фраза> допускает двоякое истолкование творительного падежа *шестеркою*, а именно как объекта содействующего ("шестерка лошадей возводит на горы мальпост") и как орудия, средства действия ("мальпост возводят на горы с помощью шестерки лошадей")»]; *Компас, покрытый колпаком с вырезом, освещался маленькой лампой* (А. Новиков-Прибой) [«<...> может быть понято как: "компас освещала лампа" – и тогда творительный падеж воспринимается как выражение содействующего объекта, и как: "компас освещали лампой", – и тогда творительный падеж воспринимается как выражение косвенного объекта, или орудия»]; *Стол украшался самоваром и такой же простой народной снедью* (К. Федин); *Всю ночь он слышал то удалявшуюся, то приближавшуюся канонаду. Она была как неумолчный стук часов, ею отмеривалось время* (К. Симонов).

На мой взгляд, во всех четырех примерах, приведенных Н.А. Янко-Триницкой, имеет место семантическая нейтрализация двух значений твор. падежа – агентивного и орудийного: они не исключают друг друга, а объединяются в целое. Ведь и в действительном залоге подобное совмещение может иметь место в подлежащем; скажем, во фразе *Лампа освещала компас* референт подлежащего является и агенсом и орудием одновременно.

³⁰ В [ЯТ: 94] сочувственно приводится цитата из статьи Калайдовича, данная выше.

В.В. Виноградов [1947: 633], отрицая возможность форм ВПП в прош. времени, считал "почти невозможной" фразу *комната осветилась лампой*, но при этом допускал *улица осветилась фонарями*, приписывая глаголу в последней фразе отдельное "средне-возвратное значение" (см. П1). Для моего языкового чутья обе фразы равно хороши; для первой легко придумать улучшающий контекст: *Мы вошли одновременно, брат нажал какую-то кнопку, и вся комната мгновенно осветилась необыкновенно яркой лампой. Я не вижу существенной смысловой разницы при замене последнего предложения на следующее: ... и всю комнату мгновенно осветила необыкновенно яркая лампа.* В обоих окончаниях фразы предмет "лампа" выступает одновременно и как агенс, и как орудие. Глагольная словоформа *осветилась* вполне допускает однозначную трактовку во всех случаях ее употребления как страдательной, и привлечение для нее какого-либо другого возвратно-глагольного значения не требуется.

Отмечу также, что в данном случае замена синтетической страдательной формы на аналитическую приводит к фразе несколько худшего качества: *... и вся комната мгновенно была освещена необыкновенно яркой лампой.* Дело в том, что в этой последней фразе не передается смысл акциональности, смысл начала возникновения ситуации освещенности, который присутствует в исходной фразе. Аналитическая форма с кратким страдательным причастием сов. вида акцентирует именно состояние освещенности, тогда как в данной ситуации существенен процесс возникновения этого состояния. См. выше о противопоставлении акционального и статального значений ВСФ в разд. 1.4.

Итак, возвратные страдательные формы и конструкции, содержащие такие формы, ярко иллюстрируют феномен семантической нейтрализации языковых единиц: нейтрализоваться могут, во-первых, страдательное и нестрадательное значения в самой возвратной форме и, во-вторых, агентивное и орудийное значения в сопровождающей форме творительного падежа.

6. Заключение

Подведем итоги работы.

- Возвратные страдательные формы от глаголов совершенного вида представляют собой непреложный (хотя и маргинальный) факт в русском языке и в русской грамматике, которому давно следовало бы занять надлежащее место в академической русистике.
- Статус этих форм поддерживается принципом разграничения грамматических и семантических факторов в морфологии (принципом РГС), предписывающим различать несочетаемость семантическую от запретов, диктуемых системой языка, а также принципом потенциального морфологического существования единиц, отвергаемых исключительно семантическими факторами, но допускаемых системой языка.

- Для понятия страдательности можно предложить обобщение, в рамках которого объединяются собственно и несобственно страдательные употребления и значения; среди несобственно страдательных употреблений выделяются возвратные спонтанные (*Белье стирается само собой*) и причастные статальные (*Собака была привязана к дереву пять минут*).
- В качестве инварианта обобщенной страдательности можно принять соответствие синтаксического субъекта глагольной формы второму семантическому актанту у соотносительной нестрадательной формы.
- Другой ступенью обобщения страдательности может быть привлечение перцептивных и ментальных возвратных глаголов, управляющих дательным падежом (*Путешественникам слышался странный гул; Ей припомнился похожий случай*).
- В сфере конструкций с возвратными глаголами проявляется феномен семантической нейтрализации, во-первых, значений глагольной формы (акционального и спонтанного у возвратной формы), во-вторых, агентивного и орудийного значений творительного падежа существительного.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

Цитаты о возвратных формах совершенного вида страдательного значения**

П1 [Виноградов 1947] <?>

[633] Страдательное значение чаще всего обнаруживается у возвратных глаголов в форме 3-го лица и притом в несовершенном виде. В соотносительных формах совершенного вида страдательное значение возможно лишь в будущем времени. Соответствующие же формы прошедшего времени обычно приобретают средне-возвратное значение. Например: *комната освещается (освещалась, будет освещаться) керосиновой лампой*. Допустимо: *комната осветится лампой*. Почти невозможно: *комната осветилась лампой* (но ср.: *улица осветилась фонарями* – здесь *осветиться* имеет иное, средне-возвратное значение). В силу этой связи страдательного и

* Автор хотел бы выразить свою искреннюю признательность коллегам, помогшим ему при подготовке этой статьи: Н.Н. Перцовой – за плодотворное обсуждение содержательных проблем и композиции статьи; М.И. Шапиру – за ценные замечания по первоначальной версии раздела 1; Ю.П. Князеву – за предоставление электронных версий его труднодоступных работ. В октябре 2000 г. по тематике работы в Институте языкознания РАН был прочитан доклад, слушателям которого автор благодарен за заинтересованное обсуждение и критику.

** Цитаты в приложении разбиты на разделы, идентифицируемые номерами с литерой "П" (от П1 до П17); после идентификатора указывается источник (источники). Непосредственно перед цитатой в квадратных скобках указываются страницы (иногда еще и параграфы) источника, в случае множественного автора источника – автор(ы) цитаты. При переходе цитаты на другую страницу место перехода отмечается посредством двух вертикалек с указанием внизу номера новой страницы, например ||₁₃₃ в П4 ниже. После имени источника в угловых скобках маркируется отношение автора (авторов) к проблеме существования в русском языке возвратных страдательных форм совершенного вида: отрицательное – посредством минуса (<->), положительное – посредством плюса (<+>), промежуточное ("неуверенно положительное") – посредством вопросительного знака (<?>).

средне-возвратного значений у многих глаголов на *-ся* страдательность кажется недоразвившейся или угасающей.

П2 [ГРЯ 1953] <->

[35, § 55, В. В. Виноградов, Л. В. Щерба] Формы страдательного залога на *-ся* образуются только от глаголов несовершенного вида.

[506, § 787, Е. С. Истрина]. Глаголы в возвратной форме, имеющие страдательное значение, принадлежат только к несовершенному виду.

П3 [Исаченко 1960] <->

[362] Аффиксальные формы пассива от глаголов с/в не образуются. В этом отношении русский язык отличается от словацкого или чешского, где свободно образуются пассивные формы перфективного презенса (со значением будущего времени) <...>. По-русски нельзя сказать "всё приготовится".

[372] Формы типа *Вéщи улóжатся* в русском языке возможны, но они редки и нетипичны.

П4 [Янко-Триницкая 1962] <+>

[132–134] Часто указывают на совершенный вид глагола как на особенность глагольной основы, препятствующую образованию возвратных глаголов страдательного значения. <...> / Возвратные глаголы совершенного вида со страдательным значением, действительно, встречаются значительно реже, чем возвратные глаголы этого же значения несовершенного вида, но нельзя рассматривать их только как отступление от нормы, как исключение.

Приведем примеры на возвратные глаголы совершенного вида со страдательным значением:

А) Без творительного падежа содействующего объекта: <...>

"Когда науки трудный путь *пройдется*, Когда в борьбе и жизни дух окрепнет..." (В. М. Гаршин. Когда науки трудный путь). <...>

||₁₃₃ "[комедия] готова. К понедельнику *перепишется*, во вторник *пошлется*, в среду будет у вас" (Н. А. Островский. Письма). <...>

"Ему вдруг стало жалко и дома, который развалится, и сада, который *запустится*, и лесов, которые *вырубятся*" (Л. Н. Толстой. Воскресение). <...>

"Сорок грехов с вас *снимется*, что вспомнили нашу молодость" (Ф. Гладков. Повесть о детстве). <...>

"До чего же много знать надо. Клепать могу, чеканить могу, варить швы – тоже, а все строительство в целом не охватывается. – *Охватится!* – подбодрил Илья Матвеевич" (В Кочетов. Журбины).

"Решили, что первым вылетит тот, чей мотор раньше *запустится*" (М. Водопьянов. Полярный летчик).

Б) С творительным падежом содействующего объекта:

"Вовек не *позабудется Народом* Ефросиньюшка" (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

"Умрете, но ваших страданий рассказ *Поймется* живыми *сердцами*, И за полночь правнуки ваши о вас Беседы не кончат с друзьями" (Н. А. Некрасов. Русские женщины).

"У нас поля обширные, А не гораздо щедрые. Скажи-ка чьей *рукой* С весны они *оденутся*, А осенью разденутся" (Там же).

"Пустынный. Не мной ты создан. Не *мной* и суд *свершится* над тобой" (А. Н. Островский. Воевода).

"Следовало бы отдать под суд боцмана, если все, что говорил Митюшин, *подтвердится дознанием*" (К. М. Станюкович. Отчаянный).

"Но и это не конец рассказа! Пусть же он *допишется победой*" (П. Антокольский. Черноморская баллада). <...>

«Книга Поля де Крюи "Охотники за микробами" *прочитается* с большим интересом и *специалистом-микробиологом и юношей*, не выдавшим еще ни одной научной книги» (Н. Кольцов. Предисловие к книге Поля де Крюи "Охотники за микробами". 1940). <...>

||₁₃₄ Как видно из приведенных примеров, возвратные глаголы совершенного вида могут иметь страдательное значение и даже употребляться в сопровождении творительного падежа содействующего объекта.

[141–143] Не вызывает возражений общее положение о том, что глаголы страдательного значения образуются преимущественно от переходных глаголов несовершенного вида; тем не менее имеются возвратные глаголы страдательного значения, произведенные и от глаголов совершенного вида. И в этих страдательных глаголах совершенного вида нет никаких ограничений в употреблении форм времени, и формы прошедшего времени встречаются не реже, чем формы будущего времени, причем не только у писателей прошлого, но и у наших современников, например: <...>

"Закрыта книга – наша повесть *Прочлась* до крайнего листа" (Н. П. Огарев. К*** <М. Л. Огаревой>).

"К сожалению, конец песни, которая пелась каким-то замогильным, грустным напевом, *забылся* и не дошел до нас" (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы). <...>

"Едва *огласилось* решение суда, Всем было неловко и жутко" (Н. А. Некрасов. Русские женщины). <...>

||₁₄₂ "Для постройки хозяйственным способом из кирпича целого города Чугуева *основались* громадные кирпичные заводы" (И. Е. Репин. Далекое близкое). <...>

"Вот на ящике показался Клычков. Шинелишка старая, обтрепанная; она *унаследовалась* от той войны" (Д. Фурманов. Чапаев).

"Через два-три года в нем [Чапаеве] кое-что отпало бы окончательно из того, что уже начинало отпадать и теперь, *приобрелось* бы многое из того, что его начинало интересовать и заполнять, притягивать к себе неотразимо" (Там же).

"Все это было против правил и инструкций, но в эту ночь как-то *забылись* инструкции, помнилась только общая русская беда, из которой надо было вылезать общими усилиями" (<В. Панова. Спутники>).

"Отец отрезал кусок колбасы. – Лови, Васька! Васька [тигренок], все еще стоя на столе, широко раскрыл пасть. Колбаса ловко шлепнулась в нее и мигом *проглотилась*. А Васька выпучил на нас глаза: это что же за надувательство? Куда же колбаса делась, а?" (О. Перовская. Ребята и зверята). <...>

"Но все кончается. Грузовик остановился, и под ногами *ощутилась* твердая, не колеблющаяся опора" (В. Солоухин. Владимирские проселки). <...>

Из приведенных примеров, количество которых легко можно умножить, явствует, что формы прошедшего времени от страдательных глаголов совершенного вида существуют. Причем они довольно широко употребляются не только без творительного ||₁₄₃ падежа содействующего объекта, но и с творительным падежом указанного значения, подчеркивающим и подтверждающим специфическое значение страдательности в данных возвратных глаголах, например:

"Скоро вслед за ними все уgomонилось, и гостиница *объялась* мертвым сном" (Н. В. Гоголь. Мертвые души).

"Уверенность эта внезапно *впиталась* всем существом Рагозина и стала действительностью" (К. Федин. Необыкновенное лето).

"Узнав викария, он сразу настолько *покорился* им, что стал порицать даже тех, кто колебался в признании за монахом неоспоримой безгреховности" (Там же).

"Покупка машины *ускорила* *размолвкой* с Ильей Матвеевичем" (В. Кочетов. Журбины).

II5 [Бондарко, Буланин 1967] <?>

[151] Возвратные формы страдательного залога образуются почти исключительно от глаголов несовершенного вида, страдательно-причастные – от глаголов совершенного вида. Дифференциация форм страдательного залога по категории вида очень характерна для современного русского языка <...>.

П6 [ГСРЛЯ 1970] <?>

[352, § 853] Оппозиция: "глагол страдат. залога с постфиксом *-ся* – глагол действит. залога без постфикса *-ся*" характерна для глаголов несов. вида: *дом строится рабочими – рабочие строят дом; лекция читается профессором – профессор читает лекцию* и т. д. <...>

Примечание. Оппозиция: "глагол страдат. залога с постфиксом *-ся* – глагол действит. залога без постфикса *-ся*" для глаголов сов. вида непродуктивна. Например: *Но нынче получилась от него телеграмма* (Л. Толст., письмо жене, 3/XI 1892).

П7 [Зализняк 1977] <->

[6–7] В парадигму переходного глагола несовершенного вида включаются также страдательные формы на *-ся* (личные и неличные). В то же время формы на *-ся* с нестрадательным значением считаются принадлежащими к отдельному слову – возвратному глаголу. Таким образом, например, во фразе *в клубе показываются кинофильмы* выступает форма слова *показывать*, а во фразе *на горизонте показываются корабли* – форма слова *показываться*. В совершенном виде формы на *-ся* в современном языке страдательного значения не допускают и, следовательно, ||₇ всегда принадлежат к возвратным глаголам (например, *показаться, разобраться, отвлéчься* и т. д.).

П8 [Милославский 1978] <+>

[210] Формами и действительного и страдательного залогов могут обладать многие переходные глаголы совершенного вида. Вспомним слова известной песни: *Сама собою жизнь ведь не построишь, вода под камешек не потечет*, где *построится* явно форма страдательного залога. Ведь согласованное с ним подлежащее *жизнь* является по отношению к *построится* объектом действия.

П9 [РГ 1980] <?>

[615–616, § 1461] У глаголов несов. вида есть другой способ выражения залогового противопоставления: это – употребление в пассивной конструкции таких возвратных глаголов, в которые постфикс *-ся* вносит страдательное значение <...> *Добро и зло постигается ими* <...>.

||₆₁₆ Примечание. Постфикс *-ся* в страдат. значении иногда имеют и глаголы сов. вида: *Известие о судьбе этой женщины вышлетя мне сюда* (Л. Толст.); *Скоро из этого самовара дольются крутым кипятком стаканы* (Катаев); *Здесь палец не порежется ножом* (Ахмад.). Такое употребление редко.

П10 [Князев, Недялков 1985] <->

[П. 6.1.1] В русском языке наблюдается довольно строгое разграничение форм пассива в зависимости от вида НГ <нерефлексивного глагола>; рефлексивный пассив в несовершенном виде, аналитический пассив со страдательным причастием – в совершенном.

П11 [Храковский 1991] <+>

[154–155] Существует мнение, что "в совершенном виде формы на *-ся* в современном языке страдательного значения не допускают" [Зализняк 1977: 6]; ср. также [Исаченко 1960: 362]. Вместе с тем такие формы ||₁₅₅ с пассивным значением спорадически употребляются как в прошедшем, так и в будущем времени: *По отъезде Петра, когда срамота еще не забылась, другая беда нашла на епифанские работы* (А. Платонов); *Арматурой оплетено не только днище, но и стены котлована, все это потом забетонируется, будет создана*

звукоизоляция (В. Чубакова). Примеров, где бы пассивные глагольные формы СВ употреблялись в трехчленной ПК, в нашем распоряжении нет, что, можно думать, соответствует норме XX в. Однако в литературе XIX в. такие примеры есть: *Гениальное "все течет" произнеслось Гераклитом* (А. Герцен) <...>

П12 [Касаткин и др. 1995] <->

[207] Предикативные формы страдательного залога глаголов несовершенного вида образуются прибавлением словоизменительного постфикса *-ся/-сь* или же аналитически, сочетанием предикативных форм вспомогательного глагола *быть* с кратким страдательным причастием: *Николай был уважаем, но не любим в обществе* (Л.Т.); *Он был бит ими* (Л.Т.). Предикативные формы страдательного залога переходных глаголов совершенного вида образуются только аналитически: *Кузьма не был вами допрошен* (Ч.).

П13 [РЯЭ 1997] <+>

[134, статья "Залог", автор И.С. Улуханов] <...> образование глаголов страдательного З. с помощью постфикса *-ся* характерно в основном для глаголов несов. вида <...>, хотя возможны образования от глаголов сов. вида: *"Но и это не конец рассказа! Пусть же он допишется победой!"* (Антокольский). <...>

П14 [Гаврилова 1997, 2001] <+>

[Гаврилова 1997: 110] <...> если мы будем находиться не в ситуации составления сметы бухгалтером, а в ситуации работы компьютерной системы по бухгалтерскому учету, где сметы составляются с помощью ЭВМ, то нам просто не удастся обойтись без фраз *Смета скоро составит* или *Смета уже составила*. То, что внедрение компьютеров сделало возможным реализацию квазипассивного значения у глаголов, которые, казалось бы, не способны его выражать, иллюстрирует и следующая фраза, которая встретилась нам в интернетовской конференции: *Света, мне хочется, чтобы я не ковырял вручную список статей, а отметил те, которые хочу получить, и письмо сформулировалось само.*

[Гаврилова 2001: 163] Компьютеризация превратила во вторичные стихийные такие процессы, как процесс редактирования и перевода текстов на иностранные языки или процесс составления бухгалтерских смет. Поэтому невозможные ранее конструкции (17) *Текст уже отредактировался*, (18) *Статья уже перевелась*, (19) *Смета скоро составит* сейчас широко употребляются в устной речи людей, пользующихся услугами автоматизированных систем в области обработки текстов или бухгалтерского учета.

П15 [Молошная 2001] <->

[75] Пассивный залог выражается у глаголов несовершенного вида суффиксом *-ся*, а у глаголов совершенного вида – аналитической формой, состоящей из пассивного причастия прошедшего времени в краткой форме и формы вспомогательного глагола *быть* (в том числе нулевой) <...>

П16 [Падучева 2001] <->

[53] <...> в русском языке для возвратного глагола СВ исключена пассивная интерпретация <...>

[74] До середины XIX века совершенный вид возвратного глагола еще мог пониматься как форма страдательного залога; например, так трактует Л. А. Булаховский [1954: 315] выделенные курсивом формы в следующем отрывке:

(56) Домик Дарьи Ивановны как будто снова *оделся* цветом: крыша *покрылась* железным листом, стены *законопатились*, снаружи *обились* новым тесом, внутри *обклеились* обоями (Вельтман, 1846–1847).

В современном языке такие употребления воспринимаются как устаревшие (что игнорируется в [Янко-Триницкая 1962: 132]). Декаузативному пониманию глаголов *законопатиться*, *обиться*, *обклеиться* мешает их очевидная агентивность, а для модального компонента (56) не дает оснований.

П17 [Апресян 2002] <->

[19] Как известно, глагол в русском языке имеет четыре залоговые формы – синтетическую форму СТРАД НЕСОВ на *-ся* и три аналитические с причастиями СТРАД НЕСОВ НАСТ, СТРАД НЕСОВ ПРОШ и СТРАД СОВ ПРОШ. Ср. Книга *читалась* людьми всех возрастов; Книга была *читаема* людьми всех возрастов; Книга была *читана* людьми всех возрастов и Книга была *прочитана* людьми всех возрастов. Можно считать общепризнанным, что естественно ожидаемой пятой залоговой формой СТРАД СОВ на *-ся* (Книга *прочиталась* людьми всех возрастов) в русском языке нет. Эпизодически цитируемые в литературе примеры типа *Все это потом забетонируется* не выходят за пределы окказионализмов.

Литература

- Апресян Ю.Д. 2002 – Взаимодействие лексики и грамматики: Лексикографический аспект // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1(3).
- Белошапкина и др. 1997 – Современный русский язык / Белошапкина В.А., Белоусов В.Н. и др. Под ред. В.А. Белошапкиной. М., 1997.
- Бондарко А.В. 1976 – Теория морфологических категорий. Л., 1976.
- Бондарко А.В. 2002 – Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002.
- Бондарко А.В., Буланин Л.Л. 1967 – Русский глагол. Пособие для студентов и учителей. Л., 1967.
- Буланин Л.Л. 1978 – К соотношению пассива и статива в русском языке // Проблемы теории грамматического залога / Отв. ред. В.С. Храковский. Л., 1978.
- Булаховский Л.А. 1954 – Русский литературный язык первой половины XIX века. Фонетика. Морфология. Синтаксис. Ударение. М., 1954.
- Веренк Ж. 1985 – Диатеза и конструкции с глаголами на *-ся* // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. М., 1985.
- Виноградов В.В. 1947 – Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.–Л., 1947.
- Гаврилова В.И. 1990 – Квазипассивная конструкция и система залоговых противопоставлений русского глагола // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка (Сб. статей к 60-летию проф. В.А. Успенского). М., 1990.
- Гаврилова В.И. 1998 – Краткое причастие на *-н/-т* как форма стательного вида страдательного

- залога // Типология вида: проблемы, поиски, решения: (Материалы Международной научной конференции, 16–19 сентября 1997 г., МГУ им. М.В. Ломоносова.) / Отв. ред. М.Ю. Черткова. М., 1998.
- Гаврилова В.И.* 2001 – Возвратные глаголы совершенного вида как средство выражения стихийных процессов и их место в залоговой системе // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 13–16 марта 2001 г.): Труды и материалы / Под общей редакцией М.Л. Ремнёвой и А.А. Поликарпова. М., 2001.
- ГРЯ 1953 – Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология. М., 1953.
- ГСРЛЯ 1970 – Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- Зализняк А.А.* 1977 (сокращенно [ГС]) – Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977. [Последнее 4-е издание, испр. и доп., – 2003].
- Исаченко А.В.* 1960 – Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава, 1960.
- Калайдович И.[Ф.]* 1824 – О залогах глаголов русских // Сочинения в прозе и стихах. Труды общества любителей российской словесности... Часть IV. М., 1824.
- Касаткин и др.* 1995 – Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А. Краткий справочник по современному русскому языку. М., 1995.
- Князев Ю.П.* 2002 – Порядок и контроль: Способы понижения агентивности в русском языке // В печати.
- Князев Ю.П., Недялков В.П.* 1985 – Рефлексивные конструкции в славянских языках // Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках. Калинин, 1985. С. 20-39.
- Мельчук И.А.* 1974 – Опыт теории лингвистических моделей "Смысл <==> Текст": Семантика, синтаксис. М, 1974. Перепечатано с дополнениями: М., 1999.
- Мельчук И.А.* 1997 – Курс общей морфологии. Том I. Введение и Часть первая: Слово. М. – Вена, 1997 [перев. с франц.].
- Мельчук И.А.* 1998 – Курс общей морфологии. Том II. Часть вторая: Морфологические значения. М. – Вена, 1998 [перев. с франц.].
- Милославский И.Г.* 1978 – Какому залогу принадлежит глагол "нравиться"? // Проблемы теории грамматического залога / Отв. ред. В.С. Храковский. Л., 1978.
- Модзалевский Б.Л.* 1926 – Пушкин. Письма. Т. I. 1815–1825 / Под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского. М.–Л., 1926.
- Молошная Т.Н.* 2001 – Грамматические категории глагола в современных славянских литературных языках. М., 2001.
- Набоков В.В.* 1998 – Комментарий к роману А.С. Пушкина "Евгений Онегин" / Перев. с англ. Научный ред. и автор вступительной статьи В.П. Старк. СПб., 1998.
- Падучева Е.В.* 2001 – Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в

- научном освещении. 2001. № 1.
- Перцов Н.В.* 2000 – О неоднозначности в поэтическом языке // ВЯ. 2000. №3.
- Перцов Н.В.* 2001 – Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.
- Перцов Н.В.* 2003 – О словоизменительном статусе и особенностях словоизменения возвратных страдательных форм русского глагола // В печати.
- Перцова Н.Н.* 1988 – Формализация толкования слова. М., 1988.
- Пешковский А.М.* 1956 (1927) – Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. М., 1956. РГ 1980 – Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
- Ремчукова Е.Н.* – Речетворчество и грамматика // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 13–16 марта 2001 г.): Труды и материалы / Под общей редакцией М.Л. Ремнёвой и А.А. Поликарпова. М., 2001.
- РЯЭ 1997 – Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.
- СРЛЯ 1996 – Современный русский литературный язык / Под ред. П.А. Леканта. Изд 3-е, испр. и доп. М., 1996.
- Тестелец Я.Г.* 2001 – Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Храковский В.С.* 1991 – Пассивные конструкции // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / Ред. А.В. Бондарко и др. СПб., 1991.
- Успенский В.А.* 2002 (1977) – К понятию диатезы // Успенский В.А. Труды по нематематике. С приложением семиотических посланий А.Н. Колмогорова к автору и его друзьям. В 2 т. Том 1. М., 2002.
- Янко-Триницкая Н.А.* 1962 (сокращенно [ЯТ]) – Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.
- Iordanskaja L., Mel' čuk I.* 2002 – Conversif ou causatif ? // Cahiers Lexicologiques, № 80, 2002

Перцов Николай Викторович
доктор филологических наук
главный научный сотрудник ЗАО «АБИ Программное обеспечение»
Домашний адрес: 107113, Москва, Русаковская ул., 29, кв. 29
Домашний тел.: 264 20 77
Служебный адрес: 125015, Москва, а/я 72
Служебный тел.: 234 44 00
Электронный адрес: Nikolay_P@abbyu.com
Факс: 956 47 87